

29216

Խաչինութեան -

շաման

Лахтиш-куль

Избранные
стихотворения

Сборник
Андрея Марковского
Под общим редакторством
Петра Скостырева

Загородное издательство
Художественно-литературное
издательство
Москва 1901

Художник В. Смирнов

Редактор Л. Юдкевич

Тираж 10 000. Подписано к печати
6/VI 1941 г. А39365. Печ. листов 3 3/16.
Авт. л. 3,9. В печ. л. 70656 зн. Зак. 508.
Цена 3 р.

6-я типография треста «Полиграфкнига».
Москва, 1-й Самотечный пер., 17.

ТУРКМЕНСКИЙ КЛАССИК МАХТУМ-КУЛИ

Имя Махтум-кули мало известно русскому читателю. Между тем знаменитый туркменский поэт должен быть причислен к ряду величайших классиков мировой поэзии. Сила его поэтической мысли, равно как многообразие и художественная емкость созданных им образов, обеспечивают его поэзии право, прорвав «громаду лет», войти в нашу культуру наравне с творениями Низами, Навои, Физули и других гениев Востока, тоже до последнего времени бывших для нас великими незнакомцами.

Махтум-кули основоположник туркменской поэзии. Творчество его целиком национально, как национально творчество Гете, Шекспира, Данте, Пушкина, Байрона или Навои. Но ведь именно эта неразделянная слитность творчества великих

поэтов с жизнью и сокровеннейшими чаяниями своего народа и сообщает им черты всечеловечности, делая их близкими и доступными для всех народов мира.

Творчество классиков не подвержено разрушительной работе времени. Больше того, время очищает классические произведения от налета всего случайного, выявляя их целеустремленную стройность, какой часто не видели современники, находившиеся в плену представлений и ассоциаций, обусловленных эпохой, в какую они жили.

XVIII век, во второй половине которого жил и творил Махтум-кули, был тяжелым веком в жизни туркменского народа. Только что отгремели победные трубы Надир-шаха, залившего кровью и огнем просторы Азии. Разрозненные туркменские племена, кочевавшие по территории, сжатой деспотиями Хивы, Бухары и Ирана, враждовали между собой из-за лучших пастищ для скота, бывшего их единственным экономическим богатством. Родовые вожди, ханы и сердары соединялись во временные союзы, зачастую направленные прямо против коренных интересов своего же народа. Да и само понятие туркменского народа в

тот век фактически не существовало. Оно заслонялось названиями многочисленных племен и родов, еще не поднявшихся до понимания своего национального единства.

Нужно было туркменским племенам испытать тяжелую руку царских колонизаторов, пройти через крушение родового строя, вызванное проникновением в аул торгового капитала, и, самое главное, нужно было произойти Великой Октябрьской социалистической революции, навсегда положившей предел племенной вражде и открывшей перед Туркменией невиданные перспективы экономического, культурного и политического роста, чтобы впервые в истории туркмены создали единое государственное объединение — Туркменскую Советскую Социалистическую Республику.

Поэтическая одаренность туркменского народа, лишенного городской культуры, находила свое выражение в многообразном и многожанровом фольклоре. Художественная ценность этих устных поэтических произведений, созданных народом, столь значительна, что было бы достаточно одного лишь влияния родного фольклора для объяснения той поэтической мощи, какую про-

явил в своих произведениях Махтум-кули. Однако такое объяснение будет неверным. Не только фольклор, блестящим знатоком которого был туркменский классик, предопределил пути его поэтического развития. Махтум-кули получил по своему времени весьма разностороннее и глубокое книжное образование. Он был сыном довольно известного поэта-книжника Давлет Маммеда Азади и с ранних лет перенял от отца любовь к классической фарсидской и тюркской поэзии. Затем несколько лет он провел в стенах хивинского медрессе в качестве студента и расширил свой кругозор изучением всех наук, известных азиатским ученым. Школьный учитель, он изучил также ряд ремесел (серебряника, сапожника), сообщивших ему навыки, сблизившие поэта с трудовым ремесленным людом.

Мы не располагаем достаточным количеством биографических данных, чтобы составить достоверное жизнеописание Махтум-кули. Но можно считать установленным, что поэту в большой мере была свойственна страсть к скитальчеству, бросавшая его во многие страны переднего и срединного Востока.

Махтум-кули был свидетелем целого ряда исторических фактов и событий своего времени. Отсюда та разносторонность его жизненных впечатлений, какая так поражает каждого знакомящегося впервые с творчеством туркменского классика. Отсюда многообразие его тематики. И отсюда же, — заметим кстати, — и пленяющая нас многогранность его эпитетов и образов. Они не могли бы родиться, будь кругозор поэта ограничен явлениями одной лишь туркменской скучной природы. Жадность поэта к познаванию явлений мира сочеталась с горячностью его пытливого ума, стремившегося все понять, все объяснить, все обобщить и из всех наблюдений сделать вывод, какой помог бы людям жить не вслепую, помог бы им осознать силу своего человеческого достоинства и свое первородство во вселенной.

Махтум-кули принято называть поэтом-философом. С этим можно согласиться, если только такое наименование не заслонит для нас эмоциональной стороны его творчества. Дидактизм, переходящий порой в резонерство, всегда присущий классической традиции поэзии Востока, не был чужд и Махтум-кули; но не в нем сила и значение его

поэзии. Сила Махтум-кули — в необычайной страсти его восприятия мира и в не менее страстью пытливости его ума. Поэзия Махтум-кули насыщена мыслью. Но как не похожа эта мысль на холодные рассуждения иных книжных философов, отгородившихся от мира томами пожелтых рукописей. Махтум-кули был близок и суфиям, но даже в суфизме его бесплодно искать черт какой-либо отрешенности от мира. Все худосочное, половинчатое, все неполноценное, равно как и все выключченное за рамки видимого мира, претило земной и страстной натуре поэта. Даже в минуты мрачного отчаяния, когда Махтум-кули пел свое «отрицание жизни» с ее обманом, насилием, ханжеством и вопиющей несправедливостью, он все же оставался по сути пламенным поборником жизнеутверждающего реализма.

Иные исследователи склонны называть Махтум-кули поэтом-пессимистом, и целый ряд стихов Махтум-кули как будто дает к тому основание. Но мы вправе называть такой пессимизм видоизмененным, вернее субlimированным оптимизмом. Он был ничем иным, как защитной реакцией сознания поэта на всю ту горечь социальной

и бытовой обстановки, в условиях которой про текала жизнь Махтум-кули. В этом туркменский классик близок великим азербайджанцам Хагани и Физули, ярко выраженный внешний пессимизм которых тоже был лишь защитной реакцией на мракобесие средневекового исламизма.

По преданию Махтум-кули умер от огорчения по поводу непрекращающейся межплеменной раз ни родного народа. Создавая это предание, на род прекрасно понимал, что так называемый пессимизм Махтум-кули был ничем иным, как выражением страстной тяги поэта к иным, справедливым, формам жизни, каких историческая обста новка его эпохи не могла создать.

Среди дошедших до нас 16000 строк произведений Махтум-кули, мы, может быть, обнаружим некоторое количество строк, имевших чисто временное значение и потому утративших для нас долю своего интереса, но мы не обнаружим ни одной строки, в которой не дышала бы пламен ная душа передового человека своего времени, не боявшегося конфликтов с господствовавшим ми ровоззрением и шедшего до конца во всех своих выводах.

Бесстрашие мысли составляет характернейшую черту поэзии Махтум-кули. Самым тесным образом связан с ним и гиперболизм образов его лирики, создающий некоторую затрудненность ее восприятия, порой заставляющий нас неожиданно вспомнить о лирике нашего современника Владимира Маяковского. В соединении со страстностью чувство- и мыслеизъявления поэта эти качества поэзии Махтум-кули и сообщают ему черты той неповторимости, какой отмечены все истинно великие поэты. Махтум-кули явился родоначальником целой школы поэтов, из которых назовем Зелили, Сеиди, Кеминэ, Шабендэ, Молла-Непеса; и все же он остался неповторенным и неповторимым, как не повторен остался Лермонтовым Пушкин, как неповторим Маяковский, давший жизнь большому числу современных поэтов, как неповторимы все те, кто шли в поэзии собственным путем.

Знакомство с поэзией Махтум-кули обогащает нас, раздвигая рамки той культурной вселенной, с которой мы сжились с детства. После Октябрьской социалистической революции мир для нас стал шире и богаче. Стало богаче и шире не

только наше настоящее или будущее, но и наше восприятие прошлого. Строители социализма, мы наследуем все богатства, накопленные человеческой историей, и мы всегда должны быть благодарны тем, кто открывает нам ценности, лежавшие до того втуне в подвалах прошлого.

Поэт Марк Тарловский взялся за нелегкий труд — познакомить русского читателя с поэзией Махтум-кули, долгое время пребывавшей для нас втуне.

Работа Тарловского заслуживает самого пристального внимания. Если поэтический перевод вообще является делом крайней сложности и трудности, требующим от поэта-переводчика огромного художественного такта и большой чуткости, соединенной с изучением как всего творчества переводимого поэта, так и эпохи, в какую он жил,— то перевод на русский язык творений Махтум-кули особенно труден. Стой туркменского языка имеет крайне мало общего с русским языком. Краткость и выразительность языка Махтум-кули вошли у туркмен в поговорку. Приемы туркменской поэтики не «покрываются» привычными для нас приемами русской поэзии. При таких

условиях думать о создании дословного поэтического перевода произведений Махтум-кули невозможно; да и не нужно. Соответствие перевода оригиналу не должно и не может находить свое выражение в буквальном соответствии каждого слова перевода каждому слову и понятию оригинала. Перевод вообще никогда не может быть подобен оригиналу и не может его полностью заменить. Но переводчиком должно быть сохранено или, вернее, воссоздано с максимальной полнотой комплексное единство всех элементов, слагающих поэтическое произведение, подлежащее переводу (его смысла, звучания, мелодии, ритма, эмоциональной насыщенности и интоационной выразительности). Если переводчик этого достигает, мы говорим, что он осуществил свою задачу. Марк Тарловский свою задачу осуществил. Читая его переводы, мы начинаем понимать причину феноменальной популярности Махтум-кули среди туркменского народа, который клянется именем своего классика, как клянутся люди самыми дорогими и священными для них именами.

Крайне сложные формы туркменского стиха пе-

реданы Тарловским счастливо найденными им формами русскими, которые ни в какой мере не шаблонны и в то же время далеки от всякой дурной «экзотики». При чтении отдельных переводов Марка Тарловского от читателя, может быть, потребуется некоторое усилие, обусловленное своеобразностью иных ритмических форм, использованных поэтом. Однако мы уверены, что это усилие лишь обогатит читательский опыт и сделает еще полнее радость от узнавания целого нового поэтического мира, каким является поэзия Махтум-кули, так долго бывшая скрытой для нас.

Петр Скосырев

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Заглавия моих переводов из Махтум-кули могут показаться на первый взгляд странными — отчасти по своей лаконичности (например, «Зря»), отчасти по своей грамматической неопределенности (например, «Песком» или «Ее»). Но эти заглавия — в духе туркменской поэзии. И они не произвольны. Они обусловлены редифами. Каков редиф, таково и заглавие, и наоборот. В старых малоазиатских армиях редиф означал резерв. У арабов называли редифом заднего из двух всадников, скачущих на одной лошади. С большою убедительностью и большим изяществом это во втором случае определяет и значение редифа в восточном, в частности туркменском, стихосложении. Каждая строфа заканчивается одним и тем же словом или одною и тою же группою слов. Это и есть редиф.

Редифу предшествует рефренная рифма, которая связывает столько различных слов, сколько в стихотворении строф. Редифом оканчивается последняя строка каждой строфы. У Махтум-кули редифом оканчивается еще и вторая строка первой строфы, если строфа четырехстрочная (а четырехстрочна она у него в подавляющем большинстве случаев). Если она пятистрочная, то редиф заключается в каждой из пяти строк первой строфы. Если же она десятистрочная, то редиф налицоует во всех четных строках первой строфы. Иногда, впрочем, у Махтум-кули бывают безредифные окончания с рефренной рифмой и механически-рефренные окончания, то есть с полным повторением всей строки.

В силу своего происхождения от редифа, заглавия, за редкими исключениями, не могут служить формулировкой сути, темы, сюжета произведения, как это имеет место в европейской поэзии. Композиция стихотворений Махтум-кули настолько своеобразна, что если даже пытаться подыскать условное заглавие обычного для русской поэзии типа, то это почти невозможно сделать. Единственный выход — в краткой характе-

ристике каждой строфы и (там, где это может быть нелишним) в резюмирующем определении их взаимосвязи. Приблизительно аналогичная задача стоит перед нами, когда мы анализируем стансы, например, пушкинские «Брожу ли я вдоль улиц шумных», «Ты мне велишь пылать душою», «В надежде славы и добра». Но у Махтум-кули автономность каждой строфы выражена еще резче. В одном и том же стихотворении у него часто развиваются разные, хотя и смежные, темы, идя параллельно друг другу на протяжении каждой отдельной строфы.

Зато в конце Махтум-кули имеет обыкновение, неожиданно связывая и обрывая все протянутые им нити, возвращать читателя к исходной теме. Благодаря этому, конец у него обычно резок и энергичен. Резкость и энергичность конца, где слышится последний трагический звук рвущейся струны (целого пучка струн), часто бывают подкреплены и лексикой, внезапно обостренной, часто парадоксальной, иногда огрубленной.

Краткую характеристику каждой строфы первых трех стихотворений с резюмирующим определением взаимосвязи строф в пределах каждого

стихотворения, как единственный способ озаглавить эти стихотворения, я предлагаю несколько ниже вниманию читателя. Из этого описания уже будут видны некоторые типичные особенности архитектоники стихов Махтум-кули. Эти описания, характеристики, заглавия, аннотации (можно их называть как угодно) идут в том же порядке, в каком построена книга. Порядок же построения книги — произвольный, потому что наследие Махтум-кули дошло до нас в сильном беспорядке. Несомненный беспорядок можно порою обнаружить даже в пределах отдельных стихотворений. В таких случаях (в общем редко) я брал на себя смелость переставлять строфы, руководствуясь общими композиционными принципами, господствующими в поэзии Махтум-кули, поскольку они нам доступны по вещам, наиболее уцелевшим при устной и переписочной транспортировке.

Еще одно, маленькое, предупреждение. Первые два двустишия каждой вещи описаны как отдельные строфы (ибо таково их построение).

Первые три стихотворения я выделил, если можно так выразиться, как программные.

В стихотворении «Мы» говорится о — 1) брен-

ности человека, 2) скупости богачей, 3) господстве несправедливости, 4) измельчании душ, 5) презрительном отношении мудрых к жадности и порокам, 6) подмене науки бредом, 7) неверии, 8) повальном грехе и 9) горьком опыте жизненного пути. Стихотворение носит характер широкого социального обличения.

В стихотворении «Чужд» говорится о целесообразности — 1) разрушений, 2) дурных побуждений, 3) вражды, 4) душевных мучений, 5) стяжательства при бедности, 6) облагороженной трудолюбием зависти, 7) преданности в борьбе и 8) осторожности в высказываниях. В общем — о том, что излишняя кротость не обязательна и даже вредна.

В стихотворении «Лишь бы найти» говорится об утешительности при неимении лучшего — 1) грубой одежды, 2) сухого хлеба, 3) ветхой обуви, 4) почета от собственной скотины, 5) умения разжевывать без зубов и 6) духа, побеждающего тлен. В общем — об относительности нашего представления о благе.

Следующие десять стихотворений объединяет мысль о тщете мира. Этот цикл завершается тре-

мя стихотворениями, самыми, мне кажется, сильными во всем цикле, превосходящими по своему трагизму даже предыдущие семь стихотворений. Это вообще самый трагичный из всех циклов книги. Здесь трагична сама философия. Но правы ли мы будем, если дадим этому циклу определение пессимистического, как будто бы само собою напрашивавшееся? — Я думаю, что нет. Пессимизм этого цикла чрезвычайно своеобразен. Его пессимизм это только средство к жизнеутверждению автора. Это — негативное изображение обольстительной прелести мира, в который автор безумно влюблен и к которому он обращает слова, полные неизбывной горечи только от одного сознания невозможности овладеть этим миром. Это не пессимизм разочарованного аскета, уступающего другим трижды им проклятую жизненную арену. Это — пессимизм-орудие, это инъекция гнева и энергии сопротивления, которую автор производит не во имя смертельного уныния, а во имя жизненной бодрости. Мечтой об овладении миром, которая с предельной страстью выражена в стихотворении «Овладей», пожалуй, самом оптимистичном во всей книге, этой мечтой

напоены и самые мрачные строки рассматриваемого цикла.

В третьем цикле, обличительном, характер интонаций совершенно иной. Здесь тоже много гнева на неустройство мира, но это конкретизированный гнев, мишени для которого названы каждая по имени и очерчены яркими линиями социальной несправедливости, общественных пороков и индивидуальных грехов. Пафос обличения тут перемежается язвительной сатирой, а сама сатира нередко (как, например, в стихотворении «Вах!») располагает отравленными тонкими иглами юмора, фиксируемого на мелких деталях.

Четвертый цикл книги, цикл нравоучительный, можно было бы назвать наиболее спокойным из всех циклов, если бы «кипучее слово Махтумкули», о котором он сам говорит в стихотворении «Сойдет», вообще можно было определить как относительно спокойное. Верно одно: хотя кло-кочущий темперамент поэта сквозит почти в каждой строке и этого цикла, голос поэта здесь звучит, действительно, более спокойно, более размежено, более плавно и, пожалуй, более мягко. Это — голос проповедника. Но не проповедника-

скептика, не проповедника-созерцателя, а того непримиримого бичевателя, каким он выступает везде. В четвертом цикле нам больше, чем в каком-либо другом, открывается материал для суждения о мировоззрении поэта, о его душевном и гражданском облике. И тут перед нами возникает один из благороднейших, один из гуманинейших, один из светлейших и глубочайших поэтических характеров, какие знало человечество. И, конечно, — один из мужественнейших.

Будь ты сам Сулейман, муравья заметь:
Наклонясь, его выслушай и ответь.
Правя ближними, надо для них гореть,
Быть в затишье ветром, в русле рекой быть.

(«Слугой быть»)

Подобные строки мы не раз встречаем в данном цикле.

В пятом цикле, в бытовом, наряду с житейской философией, много житейского юмора. Много иронии и над самим собой, по поводу, например, замысловатости задачи, стоящей перед мужчиной, когда он себе выбирает подругу жизни.

Стихотворение «Овладей», эта патетическая хвалебная песнь о всемогуществе мечты; где особенно великолепна четвертая строфа, не является, конечно, только бытовым. Но оно написано как молитва, оно как бы вырезано на гранях хрустального талисмана, как бы рассчитано на то, чтобы человек постоянно носил его при себе, и потому я решил включить его именно в этот цикл.

Я знаю, что шестой цикл, цикл любовный, по своей первозданно-стихийной, по своей исступленной силе, будет неизбежно более, чем другие циклы, приковывать к себе внимание читателя, хотя и другие циклы не менее замечательны. Это объяснил и оправдал сам автор в стихотворении «Груз любви»:

С тех пор, как нам в наследство дан древний грех,
Не знаем мы, куда девать груз любви.

Интересно отметить, что в любовных стихотворениях этого цикла Махтум-кули, при известном единстве приемов, резко отличен от большинства восточных поэтов. Стихотворения этого цикла любовны, но не эротичны. Страсть, которая в них бушует, это страсть целомудренная. Вместо

гаремного воркования, в них слышен ропот влюбленного в недосягаемое. Не песни торжествующей любви, а стоны любви неразделенной звучат в этих стихах. И образ женщины, которую восточные поэты обычно рисовали как прекрасную затворницу, как прикованную к своему саду розу, у Махтум-кули обобщен до космических пределов, до степени вседесущего и вечно недосягаемого божества, одновременно и разрушающего, и созидающего и, потому, удерживающего мир в ненарушимом равновесии.

Среди стихотворений этого цикла стихотворение «Светил» интересно как единственная в книге вещь, носящая повествовательный характер (если не считать стихотворения «Я растерял»).

Стихотворения последнего, седьмого, цикла объединены автобиографическими чертами. Хотя автобиографичны в той или иной мере и другие отдельные вещи, особенно из предпоследнего цикла, но они подчинены не столько теме личной судьбы, сколько той или иной идеи, идеи любви, например, причем образ автора этой идеей основательно заслонен. В последнем же цикле, хотя каждое его стихотворение тоже подчинено той или

иной идее, образ автора не только не заслонен этой идеей, но, наоборот, оттеняется ею, опирается на нее и от этого делается более видимым и осязаемым. Замечательное во всех смыслах последнее стихотворение, которое, по преданию, сложено Махтум-кули в день его смерти, перед лицом Копетдагских гор, с которыми он прощался, лежа на смертном одре, замечательно, между прочим, и тем, что во всей книге нет ему равных по эпическому спокойствию, по мудрой созерцательности, просветленности и всепрощению.

Это, по существу, единственное в книге действительно спокойное стихотворение, где ни единая страсть не смущает вознесенного над землей поэта. Это — настоящий апофеоз собственно му жизненному подвигу, хотя здесь ничего не сказано о самом себе, хотя стихотворение проникнуто от начала до конца духом молчаливо декларируемого самоотречения.

Так как это стихотворение изумительно гармонично в оригинале, оно должно звучать и в переводе достаточно впечатляюще, и его не только можно — его необходимо переводить свободно (разумеется, в духе оригинала и не искажая ни

смысла, ни формы). Будет ли ошибкой, если за-
катный луч придаст зеленому минарету не зеле-
ный, а, допустим, оливковый оттенок? Можно ли
судить о величии минарета Махтум-кули по под-
строчному, хотя и благородному, щебню, лежа-
щему у его подножия!

При чтении книги не надо забывать, что засло-
ненная редифом рифма, многими с непривычки,
при всей ее точности, незамечаемая, может быть
легко замечаема, если, при чтении одного-двух
первых стихотворений, научиться сознательно
фиксировать на ней внимание. Дальше ухо и глаз
будут уже сами ее улавливать, и тогда смысл ре-
дифной строки в восприятии читателя значитель-
но углубится, потому что редифная рифма это не
просто украшение, а логический узел целой стро-
фы. Нашей обычной европейской рифмы тоже с
непривычки не замечают люди, привыкшие к сти-
хам, где рифмуют не концы, а начала строк.
В предисловии к туркменскому изданию Махтум-
кули 1940 года, положенному в основу данного
русского издания, редифные рифмы набраны да-
же жирным шрифтом, хотя туркмены к ним и
привыкли.

При чтении книги надо также иметь в виду, что ее стихотворные размеры приближены к звучанию оригинала. Хотя я и не задавался целью воспроизвести в точности туркменскую силлабику, но размеры моих переводов часто отходят от распространенных классических русских размеров. Однако я стремился к тому, чтобы, напоминая по звучанию оригинал, мои переводы были все-таки в духе русского стихосложения. Поэтому, при известном внимании к роли цезуры (голосовой паузы) в моем стихе, его можно прочитать правильно. Если же внимания к цезуре не будет, то от стиха иной раз ничего не останется. Это не только здесь. Попробуйте в привычном шестистопном ямбе, каким написано, например, стихотворение Пушкина «К вельможе», поставить цезуру не по середине, и стих превратится в прозу. Разве «Горе от ума», нередко читавшееся со сцены без соблюдения цезуры, звучало так, как мог бы звучать блестящий грибоедовский стих? Необходимость цезуры у меня в большинстве случаев подсказана знаками препинания (поскольку с цезурой совпадает конец смыслового отрезка строки).

Есть в книге и такие переводы, где в одной строке два размера — один до цезуры, другой — после нее. Например — перевод «Ее», где первые пять слогов амфибрахичны, а остальные дактиличны. О переводах с семисложной или восьмисложной строкой говорить не будем, потому что в цезуре они не нуждаются и для их чтения не требуется никакого навыка.

В языке Махтум-кули, в общем считающемся чистым и понятным, встречаются архаизмы и варваризмы. Нередки слова иранские и арабские. В переводах из Махтум-кули иностранные слова я употребляю обычно только тогда, когда они восточного происхождения (например — ферзь, хабар). Изредка пользуюсь словами древнегреческого происхождения (например — миндаль, хрусталь), еще реже — латинизмами (например — луна, перлы). Иногда мною употребляются такие архаизмы, как «очи», или «вервие». Это в духе Махтум-кули, к туркменскому изданию которого на 99 стихотворений понадобилось, как-никак, 369 примечаний лексического порядка.

По грамматической сжатости и по краткости слов туркменский язык может поспорить с анг-

лийским. Это является большой помехой для русского перевода, хотя, в большинстве случаев, помехой преодолимой. Это же, по-моему, обязывает переводчика к подбору слов, самая протяженность и морфологический характер которых соответствуют стилю оригинала. Нельзя при переводе забывать и о фонетических особенностях оригинала — о присущем ему преобладании резких согласных звуков и о сложной перекличке этих звуков, изузоривающей ткань стиха подобно туркменскому ковру.

Передавать в переводе этой книги надо, во-первых, не только (иногда и не столько) букву подстрочника, но — самую жизнь оригинала, и, во-вторых, надо передавать, по возможности, всю его сложную и своеобразную форму. Эта форма (как и всякая, впрочем, совершенная форма) сильна тем, что если даже слушатель или читатель не поймет и не оценит ее законов, он их воспримет эмоционально, невольно, подсознательно. Вот почему переводчик иногда (не искажая, конечно, смысла) может идти по пути смысловых модуляций. Не надо забывать того, что туркменская классическая поэзия рассчитана не столько на

зрительное, сколько на слуховое восприятие (более, чем европейская), она исполняется речитативом. Перевод должен соответствовать оригиналу и в этом, — должен быть пригодным для звукового воздействия.

До сих пор, в особо торжественных случаях, туркмены клянутся именем Махтум-кули. И нет для них клятвы более священной. Зная, что значит для них этот поэт, я хотел помочь русскому читателю взглянуть на него глазами туркмена хотя бы в какой-то мере. Я бы не был в состоянии предпринять эту попытку, если бы не широкое содействие Туркменского Государственного научно-исследовательского института языка и литературы, подготовившего материалы для этого издания.

Работникам данного Института и редактору книги Петру Скосыреву я весьма признателен за оказанную мне консультационную помощь.

Работе над Махтум-кули предшествовала моя переводческая работа над народным эпосом и книжной поэзией казахского, киргизского, узбекского, азербайджанского, татарского и башкирского народов. Все эти народы по языку, лите-

туре, а отчасти и историческим судьбам близки туркменскому народу. Поэтому им всем, а особенно двум первым — казахскому и киргизскому народам, я обязан теми, пока еще скромными, знаниями и опытом, без которых, по-моему, немыслима работа над таким трудным для перевода поэтом, как Махтум-кули.

Марк Тарловский

МЫ

Слов моих вечность чуют султан и шах,
Пусть мгновенны подобно поземке мы.
Вздумав искать радушия во дворцах,
Скатертной не найдем там каемки мы.

Но процветают тут же клеветники;
Вяжут кушак все туже ростовщики;
Кривде служит меч, истине вопреки;
Видим в душах густые потемки мы.

Честному ставят путаника в пример;
Копят деньгу обманщик, плут, изувер;
Смолк навек благородный Хайрул-Бешер, —
Предка не слышим в его потомке мы.

Имя бай тому, чье ремесло — захват.
Много их, чья жизнь — один сплошной
разврат.

Снадобий нет, — до гроба недуг влачает.
Мудрые, мир обходим по кромке мы.

Братом насытиться каждый брат готов;
Шахский визирь налог братъ с заплат готов;
Воин служить, где больше сулят, готов;
Вместо науки, бред слышим громкий мы.

Плутням бесстыжих муфтиев нет числа:
Суть закона сквозь пальцы их утекла.
Свинством страна повальным занемогла;
Бога не зрим в толпе-скопидомке мы.

Лгут и ишан и дервиш, в распутство впав;
Девы свой по блудницам равняют нрав;

Смяты грехами стебли целебных трав,
Целых соломин ищем в соломке мы.

Скажет Махтум-кули: друг из друзей—честь.
Бывших друзьями нет—их измен не счастье.
След их и тот простыл, только опыт есть...
Так влачим, учась, наши котомки мы.

ЧУЖД

Чтоб воздвигнет муж на земле,
Если он разрушений чужд?
Не бывает благosten тот,
Кто дурных побуждений чужд.

В непреклонном беке народ
Видит свой надежный оплот.
Достигает победы тот,
Кто вражды в доброте не чужд.

Тем, что лечишь, переболей.
Не чурайся горьких питей.
Худший грешник — тот из людей,
Кто душевных мучений чужд.

При оценке не верь клейму.
Подчиниться надо тому,
Надо выдать клады тому,
Кто захвата в нужде не чужд.

Никогда не будет богат,
Кто не трудится в десять крат.
Кто завистлив, — не виноват:
Только был бы он лени чужд.

Лев, сметавший волков хвостом,
Будет взыскан вышним судом.
Порадеет пророк о том,
Кто порыва к измене чужд.

Иль рождай слова-хрустали,
Иль безмолвствуй, Махтум-кули!
Мы — бесхвостые кобели,
Если дух наш сомнений чужд.

ЛИШЬ БЫ НАЙТИ

Кто беден, тому шитье, ткани, шелка
Заменит грубый килим — лишь бы найти...
Там, где свежего хлеба нет ни куска,
Довольны будут сухим — лишь бы найти...

Только пахарь поймет, взглянув на стерню,
Как мучительно хлеб сберечь на корню.
От дорожных колючек нашу ступню
Ветошью мы защитим — лишь бы найти...

Миг для глупых — всё, следствия — чепуха
Плод не созреет, если земля суха.
Пусть надменная знать не чтит пастуха:
Скотиной он будет чтим — лишь бы найти...

Легкость, беспечность — молодости подстать,
Ей, говорят, и не о чем горевать.
Пусть, лишась зубов, нечем хлеб разжевывать;
Беззубый справится с ним — лишь бы найти..

Жалоб пустых, Махтум-кули, избегай.
Многим друзьям навек ты сказал «прощай».
Не переступит жизнь твоя через край.
Мы духом тлен победим — лишь бы найти..

ты

Твой родитель страсть познал.
То, что в нем вскипело, — ты.
Был ты жидкок, был ты ал —
Превратился в тело ты.

Чревом матери вскормлен,
Девять лун ты ждал пелен.
Из семи частей креплен,
Богом сшит умело ты.

Душу дал он, разум дал,
С речью, с ухом, с глазом дал.
Всё одним приказом дал —
Стал державой целой ты.

Был ты в детстве баловник,
Но шагать и сам привык,
В разнородный говор вник,
Хлеб увидел белый ты.

Забавлялся ты с детьми,
Ты учился лет с семи,
А в четырнадцать — людьми,
Жизнью, взят был в дело ты.

Стал подруге детства мил,
С ней себя соединил;
Бог поил вас и кормил,
Рыскал всюду смело ты.

Всё лет в двадцать нипочем.
Был ты первым ловкачом:
Знал коня, владел мечом,
Шел на вражьи стрелы ты.

В тридцать лет был полон сил,
Был кутилой из кутил,
Время в играх проводил,
В плод вгрызался спелый ты.

Верный спутник седока,
Конь твой взмыливал бока;
Годы шли, и к сорока
Вышел, мыслью зрелый, ты.

Ты не вырастил внучат,
Ветви голыми торчат;
Нет стыда и в пятьдесят,
Хоть белее мела ты.

В шестьдесят — твои виски
Тонут в паводке тоски;
Всё — прорехи, как ни тки;
Стал травой сопрелой ты.

Десять лет еще спустя,
Стал ты празден, как дитя;
Ты с земли встаешь, кряхтя,
Не в поре ль предела ты?

Как с тобой мирился свет
До восьмидесяти лет?
Чем ты в старости согрет?
Стал стерней горелой ты.

В девяносто — чувства врут;
На руках — сто тысяч пут;
Скажешь слово — засмеют;
Истукан замшелый ты.

Как бы в прошлом ни цвели,
Мы — в итоге, лишь нули.
Лучше б, жизнь Махтум-кули,
Доб ста лет не тлела ты!

МИР ВЛЮБЛЕН

Для тела сердце — падишах.
Он страстен, памятлив, умен.
В его державе — семь частей,
Семь озабоченных племен.

То дом, то конская спина;
То степь, то горная стена, —
Всё — только пляс веретена,
Всё — только торжище времен.

Мой смысл и бредни, мир, твои
Суть две раздельных колеи;
Цветным клубком двойной змеи
Лоб Сулеймана оплетен.

Пусть вкруг престола изумруд,
Пусть ярок блеск алмазных груд,
Пусть верен раб и сыт верблюд,—
Бек ада более силен!

Мы видим счастье лишь во сне,
Змеятся трещины в стене,
Но в неустанной беготне
Века, подобья веретен.

Среди безумствующих рек
Безумен трижды человек.
Не счастье нам, господи, вовек
Твоих веков, годин и дён!

Рок — тетива, а смерть — стрела.
Махтум-кули, их цель — скула.
С кем тень удачи не спала! —
И в эту шлюху мир влюблен.

ДЫМ

Ткань долговечности тонка.
Чтоб на людей надето — дым.
Их кровь, текущая с клинка, —
Скользящий без запрета дым.

Не увлекайся суетой:
Весь этот мир — ночлег пустой.
Трудней сказать — «кочевник, стой!» —
Чем сохранить для света дым.

Заржет скакун, твой видя труп.
Его другой возьмет за чуб.
Но смертный близится уступ:
Весна — огонь, а лето — дым.

Сгорит нарушивший обет.
Спасенья миру тоже нет.
Мы смерть вкушаем, как шербет,
Но в запахе шербета — дым.

Кто обойти свой хочет срок,
За гробом будет одинок.
Для тех, кем не был чтим пророк,
Слова его завета — дым.

Продажен мир, Махтум-кули, —
Притон, куда всех шлюх смели:
Для девки ложе застели
И убедись, что это — дым!

ЛБЫ

Ну кто б, товарищи, постиг,
Чтоб завтра стукнет в наши лбы?
Мы непотребства всякий миг
Ждем от распутницы-судьбы.

Предстанет смерть, разверзнет пасть.
Умрет в тоске, кто побжил всласть.
Земля питает к плоти страсть
И стан сжимает без борьбы.

Тех, кто доверчив, ждет просчет:
Сто тысяч раз им рок солжет.
Он их скота не сбережет.
Достаток — сон, и все — рабы.

Зерном, насыпанным в силок,
Завлек доверчивого рок
И, косо глядя, под шумок
Оплел сетями ворожбы.

Махтум-кули, за всякий шаг
Ответит звяком твой костяк,
И рады будут натощак
Ему песчаные горбы!

И ВСЁ

Наш мир упорный игрок,
Но ставка снята — и всё.
В игру он друзей вовлек,
Им спутал счета — и всё.

К звезде престол воспарил —
То царь Сулейман почил.
Сто люлек и сто могил...
Премудрость проста — и всё.

Будь, шах мой, от бед храним!
Был всем богат Ибрагим,
Но что оставил другим?
Копилка пуста — и всё.

Бред сердца горяч, горяч.
В круг чресел — кумач, кумач.
Наследует плачу плач,
А счастье — мечта, и всё.

Гвоздиками рдеем мы,
Песками желтеем мы,
Золою седеем мы,
Меняем цвета — и всё.

К чему о земном жалеть?
Ты, связанный, будешь тлеть.
Прочна могильная сеть,
Прочна и часта — и всё.

Поменьше словом шали:
В тупик слова б завели.
Рыдайте с Махтум-кули.
И кровь, и уста, и всё!

СПЛАВОМ БЫТЬ

Не кичись высотой, скалистый хребет!
Быть размытым тебе, рудным сплавом быть.
Не шумите, моря! — за грядою лет
Под песками, как наша земля, вам быть.

Грозных львов человек в мышей обратит.
Как букашку, слона недуг победит.
Ящер нильских глубин и баухайнский кит,
Под седлом грузового осла вам быть!

Мир, услышишь ты некогда судный гром:
Бивший палкой невинных — заплатит лбом;
Угнетателю — быть последним рабом;
Угнетенному — львом величавым быть.

Скакуном и красавицей тешься всласть:
Ты умрешь и утратишь над ними власть.
Чтобы в рай правоверных с честью попасть,
Надо схожим с верблюдами и правом быть.

Как Лукман, проживи ты несколько эр,
Иль разбей, как Рустем, всех дэвов пещер,
Воплотись, наконец, в тебя Искандер,—
Все же прахом тебе и державам быть.

Если людям совет преподносишь свой,
Докажи, что испробован он тобой.
Мужу сердцем открыться — быть с головой;
Поякшаться с мальчишкой — безглавым быть.

Говорит, поразмыслив, Махтум-кули:
К добродетели голову притули.
Сохранится надолго пища в соли.,
И тебе лишь меж правыми правым быть.

ВРАГ ИЗ ВРАГОВ

Мир — ваш недруг, разини, дети детей!
Груз вашей наживы — он враг из врагов.
Гомонят восемнадцать тысяч страстей,
И все их приливы — враги из врагов.

Дочь-девчурка, жена и сын-мальчуган,
Раб, рабыня, скакун, осел и баран,
Меч, кущак, наковальня и ткацкий стан,—
Всё то, с чем в связы вы, — враги из врагов.

Мир — дворец, где шумят плясун и дударь,
Где помазанник — бог, где подданный — тварь.
Бойтесь мира, владыки: он мстил вам встарь.
Паши и хедивы! Он враг из врагов.

Обнищавший погибнет без ремесла.
Старость бьет иноходца, волка, орла.
Звон казны, крепость зуба, размах крыла,
Роскошество гривы — враги из врагов.

Жизнь — угодница смерти, о том не спорь.
За здоровьем подкрадывается хворь.
Есть предвестие бури в кротости зорь.
И тиши и порывы — враги из врагов.

ПЕСКОМ

Древним горам степной грозит суховей,
Влагу ворует, душит поток песком.
Сад, где гремел неистовый соловей,
Вихрь обгложет, и станет цветок песком.

Долго не держит пришельца ложный мир.
Чаша скуча, и краток жизненный пир.
Жребий один — у скромников и задир:
Станут бек и раб, плут и пророк — песком.

Старость в жилы свой тихо вливает яд.
Стены нашей души терпят гнет осад.
Юности вслед глядишь — как вернуть назад?
Мышцы, кости и кровь — станут в срок
песком.

Пусть обжора всё жертвует животу, —
Брезгай им, руки не подавай плуту.
Мало ль горных троп, поднятых в высоту,
Стерло сорной травой, зной облек песком?

Кто, Махтум-кули, неуязвим у нас?
Чей истлевший прах мы оживим у нас?
Смерть наполнит рты ветром сухим у нас:
Все — песок, и всех — кроет песок песком.

МИР, ХЭЙ!

Те ладьи, что гордо плывут в лонах рек,
Опрокинешь ты кверху днищем, мир, хэй!
Стань перечить нравам твоим человек,
Разлучишь ты его с жилищем, мир, хэй!

Кто готовился жить, . духом вдруг иссяк.
Где ступал я ногой, ляжет мой костяк.
Во вращеньи времен — всех земных туляк
Ты попрещь своим сапожищем, мир, хэй!

Нет у мира пути и причала нет;
Дня, когда бы нас смерть не встречала, нет;
Нет злодействам конца и начала нет;
В скудоумьи живешь ты нищем, мир, хэй!

Сзади крадучись, душишь и ранишь ты;
Путать худо с добром не устанешь ты;
Полным меда соцветьем приманишь ты
И отравишь нас корневищем, мир, хэй!

Лето, осень, зима и весна — твой круг;
Блещут красками море, гора и луг;
Но живое избудется, как недуг,
И пребудешь ты пепелищем, мир, хэй!

Многих ты — как былинки, их сдунув — съел;
Магометово сердце, проклонув, съел,
Сулаймана, Гаруна, Каруна съел —
И едва ли их прах мы сыщем, мир, хэй!

Непонятен Махтум-кули скрытный мир.
Топчет прошлое нелюбопытный мир.
Перестань же блудить, ненасытный мир,
И, рассыпавшись, будь кладбищем, мир, хэй!

О МИР!

Мир, звенящий железом своих когтей,
Ты жадливей голодного пса, о мир!
Сколько б ты ни стяжал, не станешь сытей.
Нам для счастья даешь полчаса, о мир!

Мир мне шепчет — «найдешь ты подругу...» —
Ложь!

«Окажу вам любую услугу...» — Ложь!
«День и ночь предавайтесь досугу...» — Ложь!
Ты увертливей спиц колеса, о мир!

Можешь бурей дохнуть из горнила вдруг,
Можешь выпарить воду из Нила вдруг,
У слона изничтожится сила вдруг,
И его обезумит оса, о мир!

Искрошится любая лава твоя;
Отгремит любая держава твоя;
Всё, что ты сотворил, — забава твоя:
Смоешь горы и выжжешь леса, о мир!

Ткань души отберешь — ей возврата нет,
Ей цены, будь хоть в золоте плата, нет,
Прав на то, что захватчиком взято, нет,
И враждебна твоя нам краса, о мир!

В день присваивал сорок коней Карун,
У него был на диво каждый скакун,
Отчего же, скажи мне, мир-потаскун,
Лишь ослом обходился Иса, о мир?

У Меджнуна украл ты его Лейли.
Всех друзей не оплачет Махтум-кули:
Всех под шкурой твоей, казнив, погребли,
И она, как пустыня, лыса, о мир!

НЕ ПОЙМЕТ

Никчемный бек от ловчей птицы сбежит:
Какой подставить ей кулак, не поймет.
К дурному беку доступ нищим закрыт,
Просьб угнетенных он никак не поймет.

Какие где в дороге зарубки — знай.
Хвалить чужие надо поступки, знай.
На что решиться, ты и без юбки знай:
Трус — ничего без бабьих воак не поймет.

От стачки с храбрецом возможен ли вред?
Где подвиг, там ничто и семьдесят бед.
В пустыне жалок трус — теряет свой след,
А если враг вблизи, дай знак — не поймет.

Подачка бедняка на скорбном пути,
Одна хоть, в судный день равна десяти.
У труса — пред клинком озноб до кости,
Храбрец — как жить без битв, без драк, не
поймет.

Знай, бек! — Махтум-кули свободны слова.
Кто мудр и смел, лишь тот народный глава.
Возьмет над пикой он холодной права,
Но и простых вещей дурак не поймет.

ЧТО СМЫСЛИТ?

Попадись мукомолу ловчий орел,
Птице быть без крыла, — что в ней смыслит он?
Если бедный пастух на алмаз набрел,
Скажет — «хуже стекла!» — что в нем
смыслит он?

Кто, ослиную спину видя одну,
По дорогам пустую таскал мошну,
Тот предложит и ханскому скакуну
Ветошь вместо седла, — что в нем смыслит он?

Кто не может пьянять от любовных струн,
Кто не трогал красавиц, будучи юн,
Тот Лейли не почтит как пылкий Меджнун:
Только скажет — «мила!» — что в ней смыслит
он?

Кто богат, кто не трудится день-денской,
Тот не знает, как сладок краткий покой.
Кто в песках че жевал колючки сухой,
Скажет — «хлеб твой — зола!» — что в нем
смыслит он?

Кто богатство свое упустил из рук,
Горький вкус нищеты постигает вдруг.
Здоровяк, в чьей крови не гулял недуг,
Мнит, что вечны тела, — что в них смыслит он?

Если озера летний не выжег зной,
Мало ценит кулик свой рай водяной.
Кто весь век за чужой лишь ездил спиной,
Дай ему удила, — что в них смыслит он?

В чье лицо чад неволи не полыхнул,
Чьих под вражьим яром не дробили скул,
Тот не знает, как дорог отчий аул:
Мир родного угла, — что в нем смыслит он?

Друг, ровесник, товарищ мой, не хули
Этих благ, что с тобой мы здесь обрели!
Кто под звуки творений Махтум-кули
Не разгладит чела, — что в них смыслит он?

РАЗВЕ ПОЙМЕТ?

Тот, кому невдомек и собственный чин,
Что толпа, что знать, разве сразу поймет?
Разве шалый пропойца, пропойцын сын,
Толк в святыне, с пьяного глаза, поймет?

Среди умников дельный совет в ходу,
А глупцы обращают его в беду.
Разве пес, подобравший с песка еду,
В чем отличье песка от таза, поймет?

Пусть заоблачный гром весь мир потрясет,
Ухом бедный глухой едва ль поведет.
Пусть язычник раз тысячу пост блюдет,
Чтоб он, грешный, в словах намаза поймет?

Знают всадники цену конских копыт.
Цену золота знает золотобит.
Если подвиг джигита хвалит джигит,
Что жена из его рассказа поймет?

Видит правду Махтум-кули пред собой:
Видит — ложь помыкает жадной толпой.
Если зрячих людей не спросит слепой,
Он как щебень кусок алмаза поймет.

НЕ ЖДУТ

От неспособных поощрять
Ни чести, ни наград не ждут.
Благоразумный, слов не трать,
Когда от них усад не ждут.

Кто черств, и память в том черства.
Сухим ветвям чужда листва.
Средь глупых мудрым нет родства:
Их там ни мир, ни лад не ждут.

Песка не ищет водонос.
Никчемен, кто невеждой рос.
Где пост, там выгод кот и пес,
На свой звериный взгляд, не ждут.

Усердье лечит от нужды.
Цветеньем роз живут сады.
Тебя хвалы чужой орды,
Служи хоть век подряд, не ждут.

В тылу шумлив, кто в битве вял;
Милей, чем всем, ему привал;
Мечом сверкает самохвал,
Когда ничьих засад не ждут.

Трус может жить, как скот, в грязи.
Когда не видно льва вблизи,
Шакал с лисой кричат — «грызи!»:
Того, что им повадней, ждут.

С приурковатым вздор мели.
С джигитом пыл его дели.
Строк не слагай, Махтум-кули,
Когда их с мыслью задней ждут.

ВСЕ Ж

Как льстец ни звал конем осла,
Тот шагом брел ослиным всё ж.
Хоть верит плут в свои дела,
Он не придет к вершинам всё ж.

Ты б мог быть ветром на пути,
В своем рассудке смерч нести,
Но, где безветрие в чести,
Ты ниже глупых чином всё ж.

Сокровища спокойно трать.
У мира суэтная стать.
Хоть будет сердцу дорог зять,
Он не сравнится с сыном всё ж.

Как немошь старца ни калечь,
Как ни стихай для стонов речь
Но, если мог детей сберечь,
Они оплот сединам всё ж.

Престранный мир, Махтум-кули:
Один ликуй, другой скули...
О рае грезят миндали
И льнут к земным долинам всё ж!

МОЛ

Бахвалится горсть песку:
Я — горб земли, скала, мол.
«Карр-карр», мол, слаще «ку-ку»,
Сокол сильней орла, мол.

Не корчь из себя столпа,
Не прыгай выше пупа.
Что мнит о себе толпа? —
Кость у нее бела, мол.

Заносится всякий шут,
Ничтожества в гору прут.
Кичливец, как бек, надут:
Юдоль ему мала, мол.

Гордец задирает нос:
Он, мол, до джина дорос.
Подкову хулит, кто бос:
Ведь конь слабей осла, мол.

Кто скромный данник труда,
В том спеси нет и следа.
Пред медом пыжься, бурда!
Масла вкусней смола, мол.

Надменность являть творцу —
Махтум-кули не к лицу:
Дурак, мол, суд мудрецу;
Нежней цветов метла, мол.

МУЖ

Холодит сердца, как метель,
Слепо всё хватающий муж.
Лучше верный дому кобель,
Чем во лжи платающий муж.

Между тем как сотни забот
Свой свершают круговорот,
Всех друзей лишается мот,
Жизнь игрой считающий муж.

Не приманишь золотом пса.
Для невежд мой стих — словеса.
Труд презрев, гневит небеса
Зря добро кидающий муж.

Кто привержен к утренним снам,
Не награду емлет, а срам.
В стыд пророку, богу и нам —
С явью ложь сплетающий муж.

В людях словом, Махтум-кули,
Жажду истины утоли.
Пред тобою — ничтожней тли
Гнусный вздор болтающий муж.

МАЛЫЙ

В труде не выросший, потом
Не добьется сноровки малый.
Дуреет, разживясь скотом,
Знавший лишь голодовки малый.

Муж дельный — все без слов по
Невежда — слушая, заснет.
Халат некстати распахнет
Непривычный к обновке малый.

Набравший копий и кольчуг,
Арабских седел и подпруг,
Порой сбежит от битвы вдруг,
От любой потасовки малый.

Неряху не зовут к столу.
Дичь не суется под стрелу.
Напрашиваясь на хвалу,
Может вызвать издевки малый.

Не повторив себя ни в ком,
Прожив бездетным бирюком,
Не будет с вечностью знаком
Жен томивший в пустовке малый.

За серебро сойдет свинец.
К рабыне тянется вдовец.
Став нищим с пери, подконец
Убежит от мотовки малый.

Кляня чудовищный побор,
Скотину к муфтию во двор.
Чтоб накормить святых обжор,
Приведет на веревке малый.

Костер для путников зажги,
Будь то и кровные враги;
Стань к ним внимательней слуги,
Чти обычай ночевки, малый.

Махтум-кули, щади слова!
Их суть для неучи мертвa:
Из тысячи одно едва
Перехватит неловкий малый.

ТОМИТ

Тех, кем утрачен народ,
Совесть их в ссылке томит.
Конь, если мрачен поход,
Хриплый и мылкий, томит.

В вечном вращеньи миры.
Призрак всеобщей игры
Тянет людей за вихры,
Зудом в затылке томит.

Этим — алмазный доспех,
Тем — лишь дрожать от прорех;
Эти — в довольстве, а тех —
Сон без подстилки томит.

Дань бедняков богатей
Тратит из полных горстей.
Ищет иранских шерстей,
Ядом ухмылки томит.

Плохо на свете рабу.
Ждет он покоя в гробу.
Тех, кто забыл про судьбу,
Тайна копилки томит.

Цапель, чья цель далека,
Рвущих весной облака,
Тянет извив ручейка,
Влага той жилки томит.

Паводок дум, бурли!
Очи, самум, пали!
Всё нас, Махтум-кули,
Если мы пылки, томит.

ВАХ!

Оборвыш выклянчит рубаху, срам прикрыть:
Надев рубаху, скажет — «нет халата, вах!»
Скулит голодный: «коркой — господи,
насыть!» —
Поест и скажет: «корки — маловато, вах...»

Привыкший смолоду терпеть нужду джигит,
Когда конем его случайность наградит,
Когда оружие он сыщет, — всё грустит:
«Зачем за хлеб с меня берется плата, вах!»

Покончит с хлебом и желает, став резвей,
Жену-красавицу и кучу сыновей.
А там и « власть, — кричит, — удача, мне
навей, —
Была б страна моей пятой прижата, вах!»

Уже мечтает ненасытный ханом слыть,
Владельцем редкостных сокровищ жаждет
быть

И у самой всесильной смерти сбавить
прить,

Чтоб не грозила ни одна утрата, вах...

Махтум-кули, ты, говорят враги, ворчун...
Ну что ж, но зависти ты чужд и сердцем юн.
Сглотнет весь мир глазами жадный, — «но
Карун
Жил, — скажет, — более еще богато, вах!»

НАЙДЕМ

Сто тысяч старцев навек уйдут сейчас,—
Детей мы столько ж в замену им найдем.
Сто тысяч бредней сбьют с дороги нас,
И мы сто тысяч прямых путей найдем.

В сто тысяч глоток дервишский сброд вопит,
Кровавым потом смочив испод, вопит,
В слезах, обильней весенних вод, вопит,
Но тех, чей хохот еще звончей, найдем.

Весь мир обшарим по четырем углам:
В святынях — нечисть, смешались честь и срам
Найдем мы склонных к одним благим делам,
Но и грешащих под рев чертей — найдем.

Жена без проку и муж без головы!
Вот жемчуг мыслей, но их поймете ль вы? --
Где Сулейман? Рустем где? где эти львы?
Едва ли пыль мы от их костей найдем!

Ты слишком рано, Махтум-кули, умолк:
Пусть мир — деляга и чтит лишь четок щелк.
Пусть редкий странник находит в песне толк.
Но мы подобных еще гостей найдем!

СВЯТЫЕ СТАРЦЫ

Вы, кто лет семьдесят живете божбой,
Вам отслужили звезды, свет их потух.
Лисица, псов не видя перед собой,
Съесть льва мечтает, когда он, спящий, глух.

Кричит ворона: «сокол уступит мне!»
Но превзойдет он сотни ворон в цене.
Крохотный ящер видит в полдневном сне,
Что он глотает змиев, как жалких мух.

От ста шакалов хромая лань уйдет.
Тигренок девяносто лисиц примнет.
Тысяча жаб пред дохлой змеей струхнет.
Чтоб в это вникнуть, потребны ум и слух.

Езид ушел из Мекки, разграбив храм,
И продает щепье его по дворам.
Вы свой лет семьдесят лелеяли срам
И, веселясь, блудливо гладили шлюх.

С вас вашу святость, старцы, я совлеку!
Вам богомолец нищий нес в дань клюку.
На этом свете трудно жить бедняку,
Чей духовник надменен и толстобрюх!

Уйду-ка я подальше от тех святош,
Без чьих молений был бы наш мир хороши.
Чтоб избежать мне одной из женских нош,
Чтоб мой живот от ласки мужской не вспух

Еще силен твой недруг, Махтум-кули!
Тебя сосудом счастья здесь обнесли, —
Иди же прямо в Мекку и там моли
О том, чтоб вечно чистым пребыл твой дух!

СТРАШНЫЙ СУД

О друзья, эти строки правду таят.
Разъясните мне, скоро ли страшный суд...
У людей в небрежении шариат,—
Разъясните мне, скоро ли страшный суд.

Проповедник-мулла нам бормочет вздор.
Мы живем шариату наперекор.
Заправляют делами голод и мор.
Разъясните мне, скоро ли страшный суд.

Муфтий взятки берет с обеих сторон,
Чтоб того засудить, кто им разорен.
Заправляет делами вражда племен.
Разъясните мне, скоро ли страшный суд.

Рейс-чиновник со всех сдирает налог,
Непокорных арканом он валит с ног,
Горжествует стяжатель, раб изнемог, —
Разъясните мне, скоро ли страшный суд.

Брун-иshan — не дурак он проспать намаз,
Не пропрет ни зимой он, ни летом глаз,
Этот пошлый мздоимец в грехах погряз, —
Разъясните мне, скоро ли страшный суд.

Шляться в Мекку для службы — доходный
труд.

В пост украдкой он жрет со скромных блюд
Он считает за чудо дьявольский блуд...
Разъясните мне, скоро ли страшный суд.

Шейх молиться пойдет, как тихая лань,
Закатив домочадцам баню из бани
И с кораном смешав базарную брань!
Разъясните мне, скоро ли страшный суд.

Мнит хаджи, что в чинах только он один,
Называет себя «Къям-Асам-Эддин»,
Мальчуган его, прыщ, и тот господин!
Разъясните мне, скоро ли страшный суд.

Старшина — грабежей не ставит во зло,
Лжесвидетельский брёх — его ремесло,
Много жертв перед ним мошной потрясло.
Разъясните мне, скоро ли страшный суд.

Баю жизни дороже его казна,
Бродит он, не вкушая сладкого сна,
Перед бедными совесть его грязна.
Разъясните мне, скоро ли страшный суд.

Бай зеката не платит, не так он прост.
Он ссужает иного, но только в рост.
За спиной его — многих проклятий хвост
Разъясните мне, скоро ли страшный суд.

Рад отец, если отпрыск его смазлив,
Будто это в доходах сулит прилив,
Будто сила — в бесстыдстве усов да грив.
Разъясните мне, скоро ли страшный суд.

Нет стыда меж невестой и женихом, —
Видя их, догадаешься о плохом.
Всех окрест возмущают своим грехом.
Разъясните мне, скоро ли страшный суд.

Мир в распутстве утратил последний стыд.
Обличает порочных их блеклый вид.
Добродетели терпят натиск обид.
Разъясните мне, скоро ли страшный суд.

Здесь, ремесла презрев, торгуют вином...
С дрожью в сердце я думаю об одном:
Этот мир будет вывернут кверху дном!
Разъясните мне, скоро ли страшный суд.

Можно кончить на этом, Махтум-кули,
Лишь бы умные повесть твою прочли.
Всех покровов мы с мира б не совлекли.
Разъясните мне, скоро ли страшный суд!

НЕ ЖИВИ

Прими мое напутствие, дорогой:
Став для врагов усладою, не живи.
Плохая честь — ничтожеству быть слугой.
Скользя все вниз, все падая, не живи.

Уж если быть наемником, то в роду,
Где знают цену подвигам и труду.
Случись таким хозяевам впасть в беду, —
На них брюзжа, досадуя, не живи.

Тот, кто правдив, не тянется за лжецом.
Подлец всегда останется подлецом.
Когда рожден породистым бегунцом,—
Одром, ушами прядая, не живи.

Лишь те дома, где ждут тебя, посещай.
Как сел, как встал, как держишься, примечай.
Нам на чужбине поданный горек чай,—
Там, обольстясь наградою, не живи.

Не принимая трапезы за жратву,
В подборе места следя старшинству,
Остерегайся чуждого по родству;
В поклонах низко падая, не живи.

Впрягая нас в работу, подарки сей.
Веселый труд — не бремя для наших шей.
Звучанье истин сладостно для ушей.
Словами нас не радуя, не живи.

Умей с душевной слабостью совладать.
Из бед взошла ль однажды хоть благодать?
Где нет воды, там зелени не видать,—
Одной ночной прохладою не живи.

Всем дестерханам — истина дестерхан.
Пред нею трезвым станет, кто ложью пьян.
Служи народу праведно, мальчуган;
За супостатов ратуя, не живи.

Лютей, чем стужа скупости, стужи нет.
Плох, кто погряз в жестокости, — хуже нет.
В иной толпе достойного мужа нет.
Душой на подкуп прядая, не живи.

Кто постоянно с богом душой слиян,
За тем покорно следует караван.
Без веры нет поводьев и нет стремян,
Не жди без веры стада и не живи.

Будь ты могуч, как некогда Искандер,
Иль собери сокровища всех пещер,
Вторым Каруном сделайся, например, —
Твердя все «я», все «я» да «я», не живи.

Рвут псы того, чей нищенски худ халат,
Ждет суд посмертный тех, что в мыслях грешат.
Отдай свой меч, коль вяло в руке он сжат.
С женой, не сделав чада ей, не живи.

Мир поражен бесплодием солонца,
Взрастив скупца, гонителя, гордеца.
Грядой камней навалены их сердца:
Там, где легли громадою, не живи.

Иному — власть с младенчества по плечу,
Другим — терпеть лишь вервие да камчу.
Того, что мной посеяно, не топчу,
Но сорняка пощадою не живи.

Мой друг, пойми: кто с истиной совладал,
Коня судьбы неистовой обуздал.
И, если ложь ты, рысская, растоптал,
Ее живить не надо и не живи.

Все то, что здесь ты выслушал от меня,
Иной воспримет, голову преклоня.
Но, если даже скажет он — «болтовня!»
Земле не став отрадою, не живи.

Махтум-кули, сотрется любой изъян,
Когда к тебе от бога придет фирман,
Фирман, гласящий — «неуч, кончай диван.
Читал, читал все кряду я, — не живи!»

ХОТИ Б

И девяносто лучших блюд — не еда,
Раз к ним приправы нет, щепотки хотя б.
Как разберет слепой, что близко беда,
Не будь в замену зренью сметки хотя б?

Ногами ходим мы, руками берем,
Но это ценит тот, кто безрук иль хром.
Когда нам мелют вздор, раздастся ли гром,
Чтоб помолчать пришлось трещотке хотя б?

Приняв от бога душу и хлеб и соль,
На грядках сердца — рвенье растить изволь.
Что к ней пришел имущий, узнаёт голь,
Заслушав скрип его подметки хотя б.

Когда струится в сердце любви родник,
Оно кипит, и мощью дышит язык.
Ты б откровенье слова в слове постиг,
Приняв от благ земных обглодки хотя б.

Мир устремится скоро в тартарары,
Не образумь нас небо до той поры.
Пресна, как хлеб бессолый, речь без игры:
Намеком дань отдай красотке хотя б.

Не забывай весною осенних бурь.
Где надо, зубы стисни, глаза зажмурь.
Во всем доверясь богу, не бедокурь:
Да будем скромны мы и кротки хотя б!

Махтум-кули, мечтая, мир облетел —
Каких притом диковин не разглядел!
Прости мне тот, кого я в речах задел:
Они правдивы, строги, четки хотя б...

БРОСЬ

Эй, друг мой, тысяч слов на труса не трать!
Увещевать его — прочь отпрянув, брось.
Когда в его руке дрожит рукоять,
Борьбу с таким врагом — бранью грянув,
брось.

Когда в речах ты слаб, когда ты несмел,
Пусть говорит другой — ты б лучше присел.
Когда тебе невмочь взять верный прицел,
Ждать выгоды от стрел, от колчанов, брось.

Для многих жен слова — треск только сухой.
Махтум-кули, их лбы набиты трухой!
Такую пойлом ты окупишь с лихвой,
К ногам другой — казну в сто туманов брось

СОЙДЕТ

В легкой скачке коню арабских кровей
Под ногой бархан за крупицу сойдет.
Молодчине, заросшему до бровей,
Сто — с десяток, год за седмицу сойдет.

Трус, чей меч никого не сек, не колол,
За разбойника примет древесный ствол.
Смельчаку, что робость в себе поборол,
И огонь стрельбы за зарницу сойдет.

Кто богат, но коня найти не сумел,
Кто умен, но избрать пути не сумел,
Кто в беседе двух слов сплести не сумел,
Тем тамбурный гром за скрыницу сойдет.

Смелый сокол отступит перед орлом,
Но сычам с ним не сладить вдесятером.
Перед уткой, что бьет по воде крылом,
Даже гусь за хищную птицу сойдет.

Мы средь трусов — подветренные корабли
Равнодушных едва ли б песни зажгли,
И кипучее слово Махтум-кули
За последнюю небылицу сойдет.

ОДНО

Облака и истоки рек
Для вершины горы — одно.
Юный, старый ли человек,
В час народной игры — одно.

И в молчании речь слышна.
Окись золоту не страшна.
Для глухого поступь слона
И полет мошкарь — одно.

Сыт табун на лугу своем,
Защищенный поводырем.
Добрый комъ, покрыт ли тряпьем
Или носит ковры, — одно.

Избегает честный плута.
Лев не ест из лисьего рта.
Льву голодная тошнота
Или песни пиры — одно.

Робкий стерпит бремя петли.
Трус погибнет, как ни юли.
Для спасенья Махтум-кули
Слово, меч и дары — одно.

ЕСЛИ ЕСТЬ

Верный слуга, блюдя господский наказ,
Шелк меняет на шерсть, если расчет есть.
Праведный муж, который в беде увяз,
Может дела поправить, если скот есть.

Плохо спится в местах со славой дурной.
Путник спутнику рад порою ночной.
Рад каравану вышедший на разбой.
Рад не нашедший лодки, если плот есть.

Всюду ль речь моя истину разнесла?
Старость ко многим рано в душу вползла.
Нищий пастух единственного осла
Даст за камень, если в нем приворот есть.

Всякая тварь трепещет, чуя врага:
Лань — где лев рычит, слон — где
видит рога,
Уж — где еж пыхтит, грач — где ждет
пустельга,

Червь, забравшийся в корень — если крот
есть.

Истый муж всегда делу укажет путь,
Плут же, наоборот, в нем разводит муть.
Быстро золото гибнет, если есть ртуть,
Жук — если жар, и муха — если мед есть.

Жаждущий счастья, эй, чем тебе помочь?
Ладишь ты с женой, любишь сына и дочь...
Яркий звонкий запас на черный день прочь:
Деньги — друзья, если радостный взлет есть.

Ставил Махтум-кули вкось и вкривь ступни,
Внуки об этом нагородят брехни...
Целым наследству быть у скромной родни,
Плохо добро хранится, если мот есть,

КРУШИТ

Если счастье любимца признало в ком,
Зубом мудрости он изумруд крушит.
Если в горло беда нам вогнала ком,
Наши зубы и мягкий палуд крушит.

Убегая от смерти, не лезь в поток:
Не удержишь души, если он глубок.
У объятого страхом ломкий висок,
И тростинка, годясь лишь для дуд, крушит.

Слушай проповедь истины день-денской, —
Не приводит неправда к цели благой.
Длятся годы признательностью людской,
Но проклятьем себя словоблуд крушит.

Любо все, что не сказано наобум,
От вранья же — в ушах только лишний шум.
В стаде — мыслящим выглядит тугодум,
А на людях мозги его — труд крушит.

Не с любым, чьи стопы на пир забрели,
Сотрапезничать можно, Махтум-кули:
Лучшей снеди ему в сосуд навали, —
Он, бродяга и неуч, сосуд крушит.

ЗНАЙ

Чтоб турый нрав твой был в чести,
Искусство возвышенья знай.
Чтоб жизнь разумную вести,
Безумие сраженья знай.

Глаза тогда б гореть могли,
Когда мечты их разожгли.
Чтоб прах твой дети сберегли,
Науку их возвращенья знай.

Ловцов не ранят сокола.
Лень раздевает догола.
Чтоб честь оказана была,
Как выражать сужденья, знай.

Меняет кров живое всё.
Подстилка в час покоя — всё.
Кто забывал для боя всё,
Тот избежит забвенья, знай.

Измена точит вражий меч
И стелет путь опасных встреч.
Махтум-кули, знай службу сеч
И службу угощенья знай!

НУЖНА

Изворотливость мыслей — чтобы конь был сыт,
Чтоб ни в чем не знать недостатка — нужна.
Если брат твой от двух неверных сбежит,
В лоб такому тогда — свинчатка нужна.

Малодушному подвиг не по плечу.
Надо в чуткости не уступать сычу.
Грудь, способная быть преградой мечу, —
Чтоб держаться в седле не шатко — нужна.

У тигрицы учись совершать прыжок,
У лисицы учись метаться вбок.
Чтоб скакун не ленился, нужен ездок;
Чтоб работало стремя, пятка нужна.

Если чуешь опасность, меч навостри.
Если недруга силой не взять, схитри.
Недоносчи — плохие богатыри;
Чтоб созреть и родиться, матка нужна.

На хорошем коне ускажешь от бед,
Л вернешься — отыщешь вражеский след.
Удальцу за плечами толика лет
Только в два или три десятка нужна.

Если волки напали на мирный скот,
Трус не станет пред ним открывать ворот.
Нам в товарище нужен верный оплот,
Как при скачке с орлом перчатка нужна.

Свой клинок, как кабаний клык, оголи,
Мстя врагам за собрата, Махтум-кули!
Чтоб сменились их копья на костили,
В битве чести медвежья хватка нужна.

В РУКЕ

Скрепленной дружба не была б,
Не будь вина для чар в руке.
Ловчей, чем враг, чем конь-араб —
Алмазный Зуль-факар в руке.

Ты пятидневен, мир шальной!
Над честью властен хлеб ржаной.
Спесь раздувается мошной.
Залог похвал — хабар в руке.

Урод — влюбившись, расцветет.
Меч веры — камень рассечет.
Из Мекки славу и почет
Несет простой гончар в руке.

На каждый вздох, на каждый чих
Нехватит откликов твоих.
От черных кос будь пьян, жених,
Как пьян от струн — дутар в руке!

Все, кто не трусы, не врал^и, —
Льют кровь за род, крича — «коли!» —
И души их — Махтум-кули! —
Гостят в телах, как пар в руке.

ИМЕЙ

Чтоб сквозь теснину проскакать,
Коня, джигит, сперва имей.
Чтоб славу подвигом снискать,
Сначала сердце льва имей.

Имей успех, чтоб гордым быть,
Имей казну, чтоб щедрым слыть.
Чтоб хлеб испечь и стол накрыть.
Для очага дрова имей.

Песок мечты течет из рук.
В дом к тугоухим тщетен стук.
Чтоб стал доступен мир наук,
С ученым нить родства имей.

Чтоб дервишам в тебе был про^к,
Чтоб там пройти, где жил пророк,
Наполни золотом мешок,
Над бедняком права имей.

Махтум-кули в доходах slab.
Будь бай, будь нищий, честь была б:
Своим гостям служи, как раб,
В усладу им слова имей.

ЗРЯ

Тратить стрелы не стоит в семьдесят лет:
В этом возрасте бьем мы по цели зря.
В кизяковых постройках прочности нет:
Их возводят из бренной скудели зря.

Человеческим духом отравлен мир.
В грешных пальцах мечи ржавеют до дыр.
Правоверный, чурайся пьяных задир
И не путайся с шалым от зелий зря!

Дальних странствий не ведают бедняки.
Недостойны доверия дураки:
Тайна сердца есть бог, — как сита ни тки,
Сито выпустит воду сквозь щели зря.

Плох старик, не украшенный бородой;
Плох богач, если врет про карман худой;
Если череп глупца — лишь кубок пустой,
Не цепляй вокруг него ожерелий зря.

Дальше многих ты видишь, Махтум-кули:
Скажут — «жизнь», это значит — «смерть»
изрекли.

Сон, пиры и слова пократче б текли! —
Держат речи одни пустомели зря.

НАЙДЯ

Загнанный конь землю оставит вдовой.
С толком, всадник, скачи, дорогу найдя.
Если умрешь, не смолкнет гомон земной,—
Всласть живи, в удаче подмогу найдя.

Смотришь—двух слов не свяжет иной джигит,
Смотришь — другой дохнёт и камень крушит.
Третий — в седле, отставший от всех, скорбит,
Клячу, что еле тянет ногу, найдя.

Плохи дела у мужа плохой жены:
Губы, злясь, кусать оба обречены;
Кровь твоя полна ядом ее слюны;
Плачь, в ней для себя недотрогу найдя.

Сотни трусов дороже один смельчак:
Он защитит народ и отчий очаг.
Трусу в поземке конный чудится враг,
Дрогнет он, в пустяке тревогу найдя.

Речь Махтум-кули пристойна всем устам.
Верь наблюденьям более, чем вестям.
Трус от гостей бежит, смелый рад гостям,
Утром их, пришедших к порогу, найдя.

ВСЕГДА

Мудрый с мудрым воздухом дышит одним,
Дуралей влеком к дуралеям всегда.
День и ночь мы к любимым думы стремим;
Вспоминая, вздыхаем, млеем всегда.

Караван не заснет, где волки шалят.
Друг для друга открыт с головы до пят.
Мелкодушный хозяин злобой объят,—
Достается сыновним шеям всегда.

К скопидому меня не завлечь силком.
Гостем труса не буду, с ним не знаком.
Скот свой прячущий выглядит бедняком.
Кто не скуп, слывет богатеем всегда.

Трус — лишь дома для браны откроет рот,
Вне наживы не знает иных забот.
Робкий к жадности склонен, морит он скот.
Смелый склонен к щедрым затеям всегда.

Обратись и к себе ты, Махтум-кули, —
Свергни злого, невинного обели;
Не кути, не валяйся, царств не сули:
Мир спиной стоит к словолеям всегда,

НЕ СПОРЬ

Плуту благодать чужда,
Но в честном живет, не спорь.
Блаженство зрячих людей
Слепой лишь поймет, не спорь.

В чьем сердце смута кипит,
Тот терпит много обид.
О слухе глухой скорбит,
В беззвучности — гнет, не спорь.

Прячь тайну, ведь мир ушаст —
Назад ее не отдаст.
Дороже золота — пласт,
Где тайны налет, не спорь.

Нет в жизни блага ценней
Жены, ребят и коней.
Арваны неров сильней,
Таков уж расчет, не спорь.

Весна, мой дух исцели —
Чтоб скорбь исчезла вдали!
Тоскует Махтум-кули, —
Нас чувство влечет, не спорь!

СЛУГОЙ БЫТЬ

Лучше, нежели беком для бедноты,
У иных господ привратным слугой быть.
Чем прислуживать в доме, где все плуты,
Лучше в славном доме тебе трухой быть.

Стой за благо, пред худом глаза скосив!
Голубь верит, что птенчик его красив.
Пусть волчицы рожают, не доносив,
Чтоб овечьей судьбе не столь плохой быть!

Будь ты сам Сулейман, муравья заметь:
Наклонясь, его выслушай и ответь.
Правя ближними, надо для них гореть,
Быть в затишье ветром, в русле рекой быть.

От соблазнов старайся душу хранить.
Пусть себя будет глупый мудрейшим мнить.
Должен ты, чтоб базарный люд приманить,
В кошельке у праведника деньгой быть.

Наши судьи заранее все сочли,
Каждый вдох наш и выдох в земной пыли.
Не тщеславным быть надо, Махтум-кули, —
Быть опорой всем, пусть хотя б плохой
быть!

БЕДНЯК

Сыну ислама скот — всех наград милей.
Тучных жаждет стад, бредит конем бедняк.
Если мор у тебя, лучше сам истлей:
Братья прочь уйдут, жен не вернем, бедняк!

Продан кушак, тряпьем срам прикрыт одним.
Раб на пиру не гость, к двери он тесним.
Сядь на осла богач, скажут — конь под ним;
Конь слывет ослом, если на нем бедняк.

Бывший друг не даст крошки тебе взаймы.
Знать пройдет, смеясь, мимо твоей сумы.
Твой, оборвый, ум вражьи затрут умы.
Пешкой сгинешь ты перед ферзем, бедняк.

Знает сердце мое, гневный мой жилец:
Выход — лишь в борьбе, славен только
боец.

Кто другого чернит, явно сам подлец.
Гнусной лжи готовъ грозный прием, бедняк!

Славъ, Махтум-кули, бога в его лучах.
Смерти всякий ждет, нищий ли он иль шах.
Кто не хотел терпеть, смотришь — в год
исчах;
Если терпел — все ж скинет яръм бедняк.

ЦЕННЕЙ

Двенадцать новолуний идут грядой, —
Дни рамазана всей той гряды ценней.
Был Шам-шерип столицей в земле святой,
И всех развалин его следы ценней.

Над чудесами, боже, ты властелин.
Мы видим их, не зная тайных причин.
Хотя и сладки струи речных стремний,
Подземный ключ их вольной воды ценней.

Цветок — отрада для мотыльков и пчел.
Он соловью ворону б не предпочел.
Но если гору чуткий дракон оплел,
Любого сада ее сады ценней.

Когда отвергло небо твои мольбы,
Когда устало сердце от мук борьбы,
Не прекратят шакалы ночной ходьбы:
Для них — то сердце любой еды ценней.

Любовь придет, в рассудок свой яд внедря,
Обзаведясь правами поводыря...
Что ж! — поговорка дедов гласит не зря.
Что знает еж, какие плоды ценней.

Чтоб зверь был другом, его язык пойми.
Бесправьем — брата, когда он слаб, не жми.
Того, кто нужен, за грех не бей плетьми:
Прости — и станут его труды ценней.

Терпел от старших братьев меньшой, Юсуп,
А был, по притче, своей среды ценней.

ГОСТЬ

Глаз наш, видящий жилки в камнях — увы! —
Он, при немоющи нашей плачевной, — гость.
Видя в дом твой входящего, крох не прячь:
Для беседы пришел задушевной гость.

В бесконечность времен уходят пески.
Служат речи джигитам против тоски.
Только раз распускаются лепестки:
Куст весенних цветов — беспосевный гость.

Мир нас таинством красок тешить готов.
Посетим урожайнейший из садов:
Шесть и семь там десятков разных плодов,
Но захахнет к зиме многодревний гость.

Кто, меж тем, как другой джигит воевал,
Сам без стрел и коня был, тот низко пал.
Из коленей с годами уйдет закал.
Пыл, влекущий на подвиг нас гневный,—гость.

Этой жизни мы радуемся детьми,
Эта жизнь угощает потом плетьми.
Плоть любого из нас, кого ни возьми,
В ожиданьи земли алчночревной,— гость.

Не для чванства намаз тебе богом дан,
Овладеет душой гордеца шайтан.
Твой, красавец, под старость согнется стан.
Стон влюбленных в тебя — лишь напевный
гость.

У меня, говорит вам Махтум-кули,
Пред глазами печальный жребий земли:
Сколько лет своих, смертный, в мире ни дли,
Все равно ты его пятидневный гость.

ДАЙ ОТВЕТ — ОТВЕТ ДАЕМ

Вопросы Махтум-кули и ответы Дурды-шахыра

— Кто, если стар — багрян, и желт — если юн?
Кто, безо всяких ног, отличный прыгун?
Кто, семь раз пронырнув, осилит бурун?
Если шахыр ты, дай нам ясный ответ. —

«Сев, если стар — багрян, и желт — если юн.
Змей — безо всяких ног отличный прыгун.
Сельдь — семь раз пронырнув, осилит бурун.
С низким поклоном мы ответ наш даем».

— Чтό это, — бьет крылом, а рассудка нет?
Чтό это, — ворот есть, а нагрудка нет?
Чтό это, — пищу ест, а желудка нет?
Если шахыр ты, дай нам ясный ответ. —

«Бабочка бьет крылом, а рассудка нет.
К савану ворот есть, а нагрудка нет.
Кладбище пищу ест, а желудка нет.
С низким поклоном мы ответ наш даем».

— Чтоб и без врат храним, как в крепости, мы?
Чтоб без кольца в стене — суповей тюрьмы?
Чтоб за враги дают друг другу взаймы?
Если шахыр ты, дай нам ясный ответ. —

«Сердце без врат храним, как в крепости, мы.
Склеп без кольца в стене — суповей тюрьмы.
Месяц с солнцем дают друг другу взаймы.
С низким поклоном мы ответ наш даем».

— Чем бы могла быть плоть без пищи сыта?
Чтоб из людских речей услада поста?
С чьих это ног при жизни кожа снята?
Если шахыр ты, дай нам ясный ответ. —

«Лаской любимой плоть без пищи сыта.
Звуки людских молитв — услада поста.
С ног Несими при жизни кожа снята.
С низким поклоном мы ответ наш даем».

— Кто это в день пройдет по семи краям?
Чем, и кого, секут по спинным костям?
Духом, скажи нам, кто, как праведник, прям?
Если шахыр ты, дай нам ясный ответ. —

«В день лишь пастух пройдет по семи краям.
Палкой овец секут по спинным костям.
Духом лишь конь-скакун, как праведник, прям.
С низким поклоном мы ответ наш даем».

— Ну-ка, кому уготован райский сад?
Кто, прошмыгнув тайком, свой отводит взгляд?
Скрыть не может чего никакой наряд?
Если шахыр ты, дай нам ясный ответ. —

«Стойким в борьбе уготован райский сад.
Злоба, шмыгнув тайком, свой отводит взгляд.
Козней не может скрыть никакой наряд.
С низким поклоном мы ответ наш даем».

ЗАЧЕМ?

Будь с изъяном твоя, красавица, стать,
Утверждать, что подобна ты Слу, зачем?
Безоружному воину обладать
Сердцем, конскому равным челу, зачем?

Если осень завистливый кинет взгляд,
Если, розу губя, обрушится град —
Соловью, чьим безумством наполнен сад,
Быть без розы подобным щеглу — зачем?

Если выронишь слово — исчезнет мрак.
Веселится под ветром ячменный злак.
Водной птице, спустившись на солончак,
Двигать лапой, подобно веслу, зачем?

Если б судный день протрубил Иэрафил,
С кровожадными мирных тварей стравил
И обитель воздушную истребил,
Напрягаться и хлопать — крылу зачем?

Чувству скорбь придает настоящий вес.
Птица — раб, если сделан в крыле надрез.
Скакуна, чей крестец от парши облез,
Прикрывать дорогому седлу — зачем?

Кто грешил, тот пред небом — сухой арык.
В судный день у корана выцветет лик,
Опозорится шейх, блудливый старик,
И тогда уповать на муллу — зачем?

Деньги скряги бесплодны, как летний зной,
Влага ливня, прошедшего стороной!
С благородным делись краюхой одной,
Но лентяя учить ремеслу — зачем?

Видел много Махтум-кули суеты:
Станут прахом сегодняшние цветы.
Черноглазой и стройной добейся ты,
А огонь загонять под полу — зачем?

НЕЛЬЗЯ

У трех нагорных сосен по корню есть.
С одним оставить все три сосны нельзя.
Как три верблюда, три валуна легли.
Рукой подкинуть те валуны нельзя.

Не станет баня стройна, как минарет.
С плохой женой — морока, в ней проку нет:
Продай, зарежь — вернется на этот свет...
Спастись от ига такой жены нельзя.

От злой жены в могилу б себя сволок.
Такая — хуже, чем ледяной клинок.
С ней сидя рядом даже, ты одинок.
А взять другую, со стороны, нельзя.

Шайтан изменам учит, прелюбодей.
Злорадный слышен шопот среди людей.
Подозревая правду, тайно седей:
Сказать, что жены нам не верны, нельзя.

Рабыня, что ни разу не впала в блуд,
Придет с открытым взором на страшный суд
Ее обречь на муки, на вечный труд,
Весьма легко нам, но без вины нельзя.

Когда признает твои дела народ,
Тебе расчистят в любой толпе проход.
Но честь и славу, конец любых невзгод,
Купить, поскольку им нет цены, нельзя.

Богач и нищий мечтают клад найти,
Мечтают средство для роста стад найти.
Чем ты богаче, тем больше рад найти:
Насытить брюхо твоей мошны нельзя.

Пока таких не встретишь, Махтум-кули,
До чьих ушей твои бы слова дошли,
Пока подруг мы тщетно ждем, бобыли,
Лежать спокойно и видеть сны нельзя.

ОВЛАДЕЙ

Пусть обречен в трущобе ты прозябать —
Чтоб мир познать, конем в мечтах овладей.
Рум, Чинмачин, Хебеш и Хинд—как достать?
Искусством их в глухих местах овладей.

Нужду скрывай. Три дня не ешь, «сыт» скажи.
Жилье души оградой грез окружи.
Среди песков, томим жарой, не тужи:
Эремом там, что весь в цветах, овладей.

Пусть нас едой в голодный день угостят,
Не надо есть, когда при том в рот глядят.
Ни тьмы рабов, ни звон казны дней не делят:
Искусством жить, как Ной, в летах овладей.

Когда лишь бог твоей нужды видит груз,
И жалких крох тогда тебе сладок вкус.
Пусть ты лишен земель и нив, как индус —
Убранством плеч, как падишах, овладей.

Для бурь, для рек владыкой был Сулейман.
Что из того, что он исчез, как туман? —
Теченьем вод, что ждет сухой Чолистан,
Как Искандер, морям на страх, овладей.

Как муравей, безгласным став, сникни ты;
Бездомным став, в змений лог прыгни ты, —
Двадцать шесть раз сто тысяч слуг кликни ты,
Всем, что Карун держал в руках, оладей.

Терпенье есть и совесть есть, — боже, знай.
Махтум-кули, несчастен ты, все же знай:
Дух — волосок, что погребен в коже, знай...
Бессмертьем слов, хоть сам ты прах, оладей!

МОЛЮ

Боже милостивый, сперва
Об одной щедроте молю.
Щеки-персики, грудь-айва,
О такой вот плоти молю.

Без желанной что за житье?
Где чело преклоню свое?
Дай мне перья-брови ее,
О бровях в разлете — молю!

О хранящей мужний покой,
О ценимой мольвью людской,
Об улыбчивой, о такой,
Что легка в работе — молю.

Двадцать лет я любимой жду.
Без утех сквозь мир бреду...
О тисках, о губах в меду,
О пьянящем соте молю.

Любит умниц Махтум-кули,
А его с безмозглой сплели!
Не томить с такой на мели
Не морить в зевоте — молю .

ЗАШЛА БЫ

Чем горевать одной, зашла бы к дружку!
Можем поладить мы, ты видишь — я вдов.
Я госпожей своей тебя нареку.
Будь ты не так мила, не тратил бы слов.

Только молчи: вокруг — наушников рой!
Дегтя в мед примешать умеют порой.
Вечером жду и жду с рассветной зарей,
Ты постоянный гость горячечных снов.

Будешь в верных руках сокровищем ты,
Будешь без них пустым становищем ты,
Верь в судьбу и не верь злословящим ты,
Знай, что я за тебя погибнуть готов.

Если б, как бог судил, моей ты была,
Стали б доступны мне большие дела:
Камни, чуя мой гнев, текли б, как смола,
Я б расцветил пески коврами садов.

Кто обойдет цветок, который пахуч?
Здравствуй же ты, чей лик как солнечный
луч!

Раб твой Махтум-кули, он тем и могуч —
Вот почему к тебе направил он зов.

ЕЕ

Красавица есть — сыщешь ли равных ей?
Я был бы весь век данником чар ее...
С опорой такой мужу не знать скорбей,
Забыл бы я всех — дайте лишь в дар ее!

Красавица есть — стан точеный высок;
Вдоль тела во тьме — солнечный ободок;
Все речи ее — словно пьянящий сок;
Доходит сквозь даль гибельный жар ее.

Красавица есть — очи бы проглядел...
Я в косы бы те все самоцветы вдел.
В ней — блага земли. Будь я богат и смел,
Я стал бы скупать, всю, как базар, ее!

Красавица есть — все пред ней, сгоряча,
Отважный джигит сложит, вплоть до меча.
Бумаги белей кожа ее плеча,
Боится покрыть дерзкий загар ее.

Еще есть одна — тоже мила на вид.
Но старая мать плачет над ней навзрыд:
Бесстыжая дочь в косах заводит гнид,
И ввек не отмыть грязных шальвар ее.

Ту, первую, всем, всем, что есть, надели.
Но что со второй делать, Махтум-кули?
Когда ей цена — тряпка из конопли,
Бежать от таких! к чорту товар ее!

ПРИДЕТ

Наибольшая, кажется, среди бед —
Это если разгневанность зря придет.
К потерявшему милой подруги след
Образ гибели мира, горя, придет.

Руку дай, если друга заждался конь;
Руку спрячь, если враг заглянул в ладонь;
Не ссужай богача, рабыих крох не тронь, —
Просветление, животворя, придет.

Где разверзлись хоть раз земные пласты,
Ненадежный нам отдых прочат кусты.
Стыдно, если не потчевал гостя ты
И домой он, не съев сухаря, придет.

Дом скупого хозяина — мертвый храм.
Нечисть ада разводит он по углам.
Жрут, не глядя, святоши, чей стяг — ислам
Всё, что к ним на обед из ларя придет.

Будь железным, будь в десять ярусов кров.
Смерть проникнет туда, этот вор воров.
Муж, не сетуй, когда осколок миров,
Метя в темя и небо багря, придет.

Не вздыхай по одной, другой дорожа.
Благочестьем сто лет не морочь, ханжа:
Лучше, если слезинка, росно-свежа,
На ресницы хоть раз, как заря, придет.

Будь правдив, будь прилежен, Махтум-кули,
Чтоб тебя с нерадивой не сопрягли:
Лучше быть в преисподней, смердеть в щели.
Если в дом не подруга, а фря придет.

СРАВНЮ

Песчаный холм вблизи жилья
С конем, с седлом, с уздой сравню.
Глупца среди ученых я
С каракулей витой сравню.

Мир — это бездна жадных вод.
Утонешь в ней — немыслим брод.
Мирских случайностей черед
С разымчивой грядой сравню.

Когда нет брата, власти нет.
Когда нет милой, сласти нет.
Когда нет сына, счастья нет...
Такой удел — с бедой сравню.

Жену, чей муж ей жизнь заел,
Чей муж на ней, как цепь, висел,
Чей муж, как змей, холоднотел —
С загубленной звездой сравню.

Та, что к семье полна враждой, —
Соль для царапины живой.
Такую — с липкой клеветой,
С отравленной водой сравню.

Махтум-кули объемлет страх.
Не весел он и на пирах.
О мир невежд! о мир нерях!
С бесхвостым псом твой строй сравню.

ДРУЗЬЯ!

Предан давно я властной грезе одной,
Ей только верен вечно буду, друзья!
Сердце мое взмыло, паря надо мной,
Шум его крыльев слышен всюду, друзья!

Сердце, опившись сладкой брагой любви,
Будет бродяжить, как его ни зови,
Сеть оно вспорет (пустишь — потом лови),
Вышибет дверь, прорвет запруду, друзья!

В ласках любимой жизнь я топить готов.
Счастье из уст ее вечно пить готов,
Кубок их чудный кровью купить готов,
Думай влекусь к тому сосуду, друзья!

В ад о страсти земной вести шлет Фатьма,
Чаще кос ее строки ее письма:
Смертных по ним загробная судит тьма,—
Праведны ль мы иль склонны к блуду,
друзья!

Если росшим врозвь не даст утех любовь,
Пламя в них раздуть может, как мех, любовь
Знает Махтум-кули — сладкий грех любовь,
Шлет гекленку она к йомууду, друзья!

ПРЕЛЕСТЬ ТВОЯ

В тучи не солнце вонзило свой кинжал —
Месяца выгиб крутой прелесть твоя.
Мастер Джагфар не медь Сенджаба склепал —
Меч, в Исфагани литой, прелесть твоя,

В косы твои вплетен серебряный дождь.
Встречных влечешь ты силой тенистых рощ.
Рот твой — ключ Земзем. Тощим дарит он
мошь.

Струй Айнальбакских отстой прелесть твоя.

Белых и алых злаков налив она.
С Ганга, из джунглей, с Дунайских нив она.
Буквы арабской страшный извив она.
Стала б Юсуповой мздой прелесть твоя.

С тем, кто духом силен, не спорь, говорят.
В лучшую дыню вгрызется хорь, говорят.
Зелье есть на всякую хворь, говорят.
Служит в неволе мечтой прелесть твоя.

Горный молвой о ней смущен Чинмачин.
Славой ты превзошла индийский кувшин.
Сводишь ты с ума встретившихся мужчин.
С дымчатой спорит звездой прелесть твоя.

Если Махтум-кули лжец среди лжецов,
Да не минует камень его зубов! —
Дай лишь знак творец всех начал и концов —
Свалится грозной бедой прелесть твоя.

КТО ТЫ?

Как, не видав тебя, вообразить могу?
Ты горлинка иль соловей ты, кто ты?
Тебя назвав, моя любовь, себе ж солгу:
Быть может, роза средь ветвей ты, кто ты?

Из праведниц ли иль из душегубок ты?
Ты виночерпий ли, вино ль иль кубок ты?
День, месяц, год иль вечность без зарубок ты?
Живей ли звезд, луны ль мертвей ты, кто ты?

Ты пряность ли, ты мускус ли, инбирь ли ты?
Верблюжья ль упряжь, ось ли, поводырь ли ты?
Ты рыба ль, буря ль ты, морская ширь ли ты?
Смерч, закрутъ ли иль суховей ты, кто ты?

Ты золотая россыпь или слиток ты?
Обитель райская иль место пыток ты?
Алмазов, аллов, перлов ли избыток ты?
Светильник ли, иль сноп лучей ты, кто ты?

Махтум-кули, не верь успехам мнимым ты!
Напрасно гонишься за этим дымом ты.
Вообразил уже себя любимым ты, —
Безумец, пьяный, ротозей ты, кто ты?

ЗАБЫЛ

Из вечной чаши страсти я так хлебнул,
Что путь в мечеть, что крик абдала забыл.
Свой дух в котел кипящий я окунул
И, в чем отличье уст от жала, забыл.

Огнем любви объятый, я паром стал;
Прокипиченный ею, наваром стал;
Золой, — увы! — ненужной и даром, стал;
Чем должен вертел быть для сала, забыл.

Я словно кем-то брошен среди песков,
Бреду и сам не слышу своих шагов...
Да разве дочь земли ты? — ты с облаков!
Я сень шатра, я сон привала забыл.

Завистлив стал и жаден и цепок я,
В своем безумстве стоек и крепок я,
В любом предмете вижу твой слепок я
И, чем коран мудрей кинжала, забыл.

Махтум-кули в плену, бескрылый, встает.
Кружит плясун, и шейх пред силой встает.
Я вижу всюду — образ милый встает,
И, много ль выпил я иль мало, забыл.

ПРИШЛОСЬ

Поток любви, взбурлив, на прибыль идет.
Ей сердце снова обуревать пришлось.
Престол души в волнах, как щепка, плывет,—
Мне эти волны переплывать пришлось.

Был сон мой тяжек—вздрогнул, проснулся, встал
Что страсть — нелегкий труд, я в книгах читал,
Но это дело сладкой игрой считал,
И вот свой промах мне искупать пришлось.

Той, чей я вихрь почуял, достичь нет сил.
В простертых пальцах ветер надежд сквозил.
Я под крылом разлуки печаль взрастил,
В груди котел кипящий скрывать пришлось.

Костер любви мне руки огнем лизал;
В поисках милой, взоры я в даль вонзal;
В зеркало сердца имя ее вписал,
Черты незримой мне рисовать пришлось.

Напрасно я, неловкий гончар любви,
Смирить пытался лепкой пожар любви...
Нам недоступен пышный базар любви:
Твою, надежду, привязь мне рвать пришлось.

Душа смертельным ядом полным-полна:
Чтоб стал он зельем жизни, мне ты нужна.
Я строил крепость сердца — к чему стена,
Когда ворота мне открывать пришлось!

Махтум-кули, ту крепость постиг разгром.
Зияет град сожженным своим нутром.
Друзья! проникли беды в его пролом,
И в пепле страсти мне истлевать пришлось

СВЕТИЛ

В лучах твоего лица
Прозрачны тени светил.
Тебя к порогу творца
Ведут ступени светил.

Ресница твоя — стрела,
Ты луком брови свела,
И что земные дела
Блаженной лени светил?

Сказала мне — «жди в саду.
К любимому днем приду» —
Но вот уж ночь на виду...
Что проку в крене светил?

Я месяц тебя прождал,
Прохожих взором голодал
И, страстью горя, страдал
В холодной смене светил.

Единство тысячи грез
Твой раб на чужбину снес,
И взор твой, из моря слез,
Мне в горькой пene светил.

Меж нами хребет возник,
Но клятва прожгла язык:
Мне всюду твой властный лик.
В мечтах о плenе, светил.

Дорогу размыл ручей,
И смолк лесной соловей,
Что сердцу в дроби своей,
В своем колене светил.

Махтум-кули за молвой
Влачился, еле живой.
Мне в Сирии образ твой,
Мне он в Йемене светил.

МИЛОЙ

Что я познал, друзья, в скитаньях моих? —
Бурлят подобно аду груди милой.
Чекан бровей ее — два лука тугих.
Уйду ль от гибельных орудий милой?

С ее лица слетают стрелы лучей.
Она — всех женских прелестей казначей.
Не достигают стоны — ее ушей.
Сродни виденья, а не люди, милой.

Вдоль этих чресел плавный ветер течет.
Опись ее приманок книгу прожжет.
Открыт ей рай, и гурий его причет
Готов служить любой причуде милой

Дала мне пенный кубок любовь моя
Но отравила брагу, словно змея.
Сто тысяч вин трезвее того питья.
Гнев, по краю, кипит в сосуде милой.

Ее звенящий голос — чистый хрусталь.
Сполнна ей ширь вселенной видна сквозь шаль
Каким грехом ни скрашу мою печаль,
Известно все о каждом блуде — милой.

В тот час, когда б лицо ей гнев опалил,
Живое все на месте б он умертвил;
Задует, ей служа, в трубу Израфил;
Даны права всех смертных судей милой.

Сама себе сестра и собрат она,
Себе союзник и супостат она,
Сжигает сердце болью утрат сна,
И не догнать мне на верблюде — милой.

Не знает смерти тот, кто любит ее;
Ночное ей несвойственно забытье;
Ей не нужны прикрытие, сон и питье,
И не еда, а дым — на блюде милой.

Летящих к ней не счел бы Махтум-кули.
Над нею души вьются, как журавли.
О если б нас ей в жертву приволокли,
Я бы предстал в кровавой груде — милой!

Я НАШЕЛ

Праздно бродя — меж тем, как брезжил восток—
Сказочную, как сон, страну я нашел.
Там достойный мечты один уголок,
Множество скучных мест минуя, нашел.

Вещь, что купить нельзя — невидимый лук,
Гнутий из ничего, без помощи рук,
Лук, что разит без стрел, что легок и туг,
Призрак лука, и в нем струну я нашел.

Бросив друзей, открыт я невзгодам стал;
Бросив свой караван, пешеходом стал;
Душу свою извел, сумасбродом стал;
Звездным путем бредя, луну я нашел.

Пейте, друзья! я влил душу в ваш шербет.
Сто наслаждений — вам, мне — тысяча бед.
Воду рисует мне мой жалобный бред:
Жажду вместо воды в плену я нашел.

Сила и дух мои! вам оплата нет.
Сколько бы ни нашел, все чего-то нет.
Сколько бы ни считал, лживей счета нет.
После торга зачем мошну я нашел?

Мой одинокий лоб — с каждым днем грозней.
Дайся, конь любви! грусть мою рассей!
Муть осталась мне — я лишь пьяных друзей,
К выпитым чашам их ревнуя, нашел.

Имя Махтум-кули пылает костром.
Руки, мир, протяни за этим теплом!
Имя горит, но я — жалок стал и хром.
Жаждавший мир найти, войну я нашел.

ГДЕ?

Я б хотел узнать у зарницы ночной,
Где сагиб красы, госпожа моя где...
Вопрошаю весну я и летний зной —
Где сагиб красы, госпожа моя где?

Птица правды, вскормленная Навои!
Днем ты голову прячешь в перья свои,
Ты колдуешь во тьме — ответь, не тай —
Где сагиб красы, госпожа моя где?

Скорбь кладет мне на сердце за шрамом
шрам.
Окликаю я Мекку, Ирак и Шам,
И вопрос мой грохочет по всем ушам —
Где сагиб красы, госпожа моя где?

В Чинмачин ли пойду, в Хорем иль в Кыпчак,
В звездный Арш, в Зумаил ли направлю шаг,
Иль обшарю стянувший землю кушак, —
Где сагиб красы, госпожа моя где?

Йэ, Джейгун и Гульзум, что чище росы,
Зной Седре, халифат и город Исы!
Йэ, собрат мой по жажде черной косы!
Где сагиб красы, госпожа моя где?

Йэ, Ахмет-Ясави, чьи песни прожгли
Весь, от Капа до Капа, кушак земли!
Йэ, сразившийся с миром Хазрат-Али!
Где сагиб красы, госпожа моя где?

Все просторы Махтум-кули искроил,
Но нигде себя счастьем не напоил...
Вестник вечного бога, йэ, Джебраил!
Где сагиб красы, госпожа моя где?

СМЕЛ ВЛЮБИТЬСЯ

Луной плененный соловей, тоскуя,
смел влюбиться.
Живя в саду, в пустыню я в сухую
смел влюбиться.
Друзья — увы! — я в розу звезд — не лгу я!
смел влюбиться,
Во мрак волос ее, в их ночь глухую
смел влюбиться.
Она невидима, и я в такую
смел влюбиться,

С тех пор как жить мне на земле
велел судья единый,
Привык бродить я, доходя
до Мекки и Медины.

Грозят мне волны иль обвал,
иль яма, кто мне скажет?
Вслед сердцу, гибельный недуг
умом и телом нахит.
Голубку ль, ворона ль ищу?
Зачем мечта бродяжит?

Семьдесят тысяч женихов
твой каждый волос вяжет.
Я в девственный твой стан и в грудь тугую
смел влюбиться.

Тебя во сне, хотя б во сне, мне видеть надо,
друг мой!
Быть у волос твоих в плену, за их оградой,
друг мой!
Тебя не видя, исходить одной досадой,
друг мой!
Хочу тебя, хоть не даны мне кров и стадо,
друг мой!
В божественность навеки я, в благую,
смел влюбиться.

Я не любим, и тайн моих ей от меня
не нужно.
Тревог вкусившему, мне жить, покой храня,
не нужно.
Мне мужества, когда я стал едой огня,
не нужно.
Мне без любви в упорстве брать пример скромия
не нужно.

В колчан ресниц и в лук бровей, в стрелу, я
смел влюбиться.
Махтум-кули, напрасный труд — ждать на пустом
базаре.
Бродягой, нищим, ты застрял теперь на том
базаре.
Ты был игралищем любви не на одном
базаре.
В тысяча первой лавке ты, хваля свой лом,
базаря,
У семьдесят вторых ворот впустую
смел влюбиться!

ГДЕ Б БОГ ПОВЕДАЛ

В счастливом рабстве соловей у розы...
Где б, друг мой, о тебе мне бог поведал?
Мир — семь темниц. Там — зной, а тут — морозы.
Где б, друг мой, о тебе мне бог поведал?

Известно, где Рустем дождался ласки.
В Шенджебе ль ждать мне, в Мекке ль, иль
в Дамаске?

Итти в Арзкер? в Кербел, чьи глины вязки?
Где б, друг мой, о тебе мне бог поведал?

Копьем досады вражьи души колешь.
Тень Кер-оглы, в горах скитаясь, молишь.
Всех вин напьешься, чтоб узнать одно лишь:
Где б, друг мой, о тебе мне бог поведал?

Твой дивный сад привидится мне спьяну.
Там соловей вокруг роз несет охрану.
С круч Бейтулла́-Сафа-менá — я гляну:
Где б, друг мой, о тебе мне бог поведал?

Как шейх Сенган, из глаз излей я реки,
Вслед за Шебли, стань я песком навеки.
Обшаркай я семнажды стены Мекки, —
Где б, друг мой, о тебе мне бог поведал?

Себя в темницу, как Юсуп, упрячь я.
Иль, как Джержис, себе блуждать назначь я
Иль, как Юнус, дай я обет безбрачья, —
Где б, друг мой, о тебе мне бог поведал?

Простерши руки, день и ночь молись я,
Как Гюль-Ферхар, с румянцем рас просторись я,
Тамбурный стон направь рукою ввысь я, —
Где б, друг мой, о тебе мне бог поведал?

Уйди я в глушь, в пустыню, как Мессия,
Иль, как Идрис, груз клятвы век неси я,
Иль, как Хыдыр, свет солнца погаси я, —
Где б, друг мой, о тебе мне бог поведал?

Махтум-кули пьян брагой чувства пенной,
И, может быть, в седьмом кругу вселенной
Девятый свод лишь есть тот сад затменный,
Где б о тебе, мой друг, мне бог поведал!

ВРЕМЕНА

Эй, родич, услышь мой стон!
Суровы к нам времена.
О подвиге речи нет,
Забыта ему цена;
Отчизна терпит нужду
И в горе погружена;
У веры отнят язык,
Земля грехом пленена...
Скорей бы они прошли,
Жестокие времена!

Я знал когда-то борьбу.
Какие то были дни!
Иззубренный бранный меч
Бывает милей родни.
Кто изгнан, врагу смешон,
Как там его ни кляни.
Кто изгнан, забудь детей
И родины не скверни!
Когда проиграл борьбу,
Скитайся, как дивана.

Не мни, что, мир посетив,
Из мира я не уйду:
Живому в срок умереть
Написано на роду.
Исправить тех мудрено,
Кто с истиной не в ладу:
Обманщик в постные дни
Скоромную жрет еду,
В коране грязня перстом
Священные имена!

Под гнетом и кабалой
Народу отдыха нет.

Пусть игом людей томит
Богач, властитель сует,
И пусть полыхать огнем
Земле до скончанья лет —
Ей стать золой пепелищ
Препятствует Магомет,
Подобной веретену
Ей быть во все времена.

В беде я, друзья мои,
А прежнего пыла нет;
Вне истины нет ворот,
Надежного тыла нет;
Над бурной пучиной дум
Весла и ветрила нет;
Под лодкой Махтум-кули
Для якоря ила нет;
Причальных канатов нет,
И жадно ждет глубина.

НЕ ЗНАЮ

Вдаль сердцем рвусь — решимости в избытке —
Но крыльев нет, и как взлечу, — не знаю.
Могу прочесть все книги я, все свитки,
Но как другого научу, — не знаю.

Плывет сквозь мудрость, кто в науке прыток.
Я вижу — тайны бродят меж кибиток.
Льют в красный кубок розовый напиток:
Тянусь рукой... как рот смочу, — не знаю.

Я — взаперти, вино манят снаружи.
Как сам в себе, ни в ком не смыслю хуже.
Я пьян, а дом закупорен к тому же.
Как право выйти получу, — не знаю.

Не разберу — степь вижу лиль вершину.
Скрыт в сердце смысл, а как его я выну?
Где путь? чей след? словами что я сдвину?
Зачем мой жребий я влачу, — не знаю.

Махтум-кули, до бредней ветер падок.
Оставь ему весь этот беспорядок!
В пучине тайн трещит ладья догадок,
И руль ее зачем верчу, — не знаю.

СТАЛ

Клялись любить до гроба—то был лишь брёх.
Я воплощенным стоном и плачем стал.
Теперь я сразу целюсь на четырех,
Я многолюбом, вдвойне я зрячим стал.

Разбито счастье, был я слишком горяч.
Стегая, губишь и скакунов и кляч.
Кто я теперь — безбожник или басмач?
Распутный раб и грешник — вот я чем стал.

Покинул хваткий сокол привычный шест.
Я одичал, а сердце досада ест.
Забыт женой, кто ищет других невест,
Кто блудником и мужем бродячим стал!

Своей добычи сокол не уволок,
Ее добился ворон, — прощай, нырок!
К чему теперь проклятья, какой в том приск,
Что я грозой, что ливнем горячим стал?

Махтум-кули, навеки ты духом хвор.
Когда и где победу рождал позор?
Овцу не вызвать волку на разговор,
И тот, кто столько значил, незначим стал.

ЛИШЕН

Я, горюющий соловей,
Неземного сада лишен.

Я, чьи слезы — алый ручей,
Той, кого мне надо, лишен.

Той, чьи косы — черный гагат,
Той, над кем мотыльки дрожат,
Той, в чью честь напевы звучат,
Той, чья речь — услада, лишен.

Семь эдемов подвластны ей,
Этой ханше земных страстей!
Я янтарных ее грудей,
Я всего их яда лишен.

Я в огне с головы до пят,
Для меня и гнев ее свят...
Я бровей, где бури шумят,
Я разбоя взгляда лишен.

Если ей три дюжины лет,
Значит, лучше возраста нет!
Я тех уст, чей мятежен цвет,
Их хмельного склада лишен.

Вот запретные те края,
Где ей слышен лепет ручья!
Вот я той, что не знаю чья,
Вокруг кого ограда, лишен...

Хочет шалый Махтум-кули,
Чтоб стихи пред милой легли,
Но ведь он гекленки Менгли,
Что была б им рада, лишен!

ГРУЗ ЛЮБВИ

Кряж чувств я взрыл, на мне узлы взбухших
жил, —

Кому с руки, кому подстать груз любви?
Под ней давно трещат горбы всех светил,
Небесный свод устал держать груз любви.

Где нет любви, под пеплом спит жар костров,
С ней мил и мрак, а без нее — свет суров.
Но бременит подошвы круч, плечи льдов,
Зверей и птиц, отца и мать, груз любви.

Той ноши с плеч не мог никто снять долой.
Мир, оплетаясь бичом любви, стал юлой.
Сжигая твердь, любовь растит черный слой,
Влачат пески и топь и гать груз любви.

В краю святых тот груз — упор их пятам.
В бесовской тьме он в пытку дан тьму^{щим} тьмам.
С ним триста лет, и сто еще, шел Адам,
И сохранил его печать груз любви.

Махтум-кули, в ее тюке нет прорех, —
Да не звучит в устах скопца гнусный смех!
С тех пор, как нам в наследство дан древний
грех,
Не знаем мы, куда девать груз любви.

ОН

Когда птенцов у дергача вор сташил,
Дергач крекчит, дергач крекчит, ищет он.
Где розы нет, для соловья свет не мил:
Ее лишась, взывает к ней, свищет он.

Верблюдиц жаль, чьих верблюжат волк угнал,
На чьих глазах малютке он горбик смял;
Ослиду жаль, чей сосунок вдруг пропал:
Ей невдомек, в каких краях рыщет он.

Кормящий зверь — врагов своих видит в снах.
Его удел — раздув ноздрей, дрожь в ушах.
За малышей своих терпя вечный страх,
Им и во сне ведет подсчет, высчит, он.

Случись отцом лесных зверят стать зверьку,
Семья вернет подшерстку блеск, мощь клыку;
Как только тот, кто охромел, сжал клюку.
Вновь крепконог, двужилен вновь, мышчат он.

И у зверья и у людей путь один.
Махтум-кули, жадней, чем смерть, нет трясин.
Когда навек в глухую толь втянут сын,
Старик скорбит, ручьями слез прыщет он.

Я РАСТЕРЯЛ

Я растерял моих друзей.
Их полк растаял, как туман.
Судьбою каждому свой путь
Для бед и подвигов был дан.

Кто к миру свой направил шаг,
Пред тем легла дорога благ.
Кто сдобрил пикой свой кулак,
Тот путь просек для мусульман

На тьмах верблюдов и коней
Их гнали ханы много дней:
Одних—сдавил арканный змей,
Другие — умерли от ран.

Иной — оков не перегрыз
И брел меж гор, то вверх, то вниз,
Под Исфагань и под Тавриз,
Забыв для Персии Туран.

Чем я богат, про то один
Небесный знает властелин.
Махтум-кули среди теснин
Своих не видит сополчан.

ПЛАЧА ПО МНЕ

Измаются плечи мои, вся их ширь,
И мощь их бычья уйдет, плача по мне.
Исторгнется солью слез желчный пузырь,
И бровь девичья уйдет, плача по мне.

Пройдут над живущим дни с их мишурой,
Дворец, где бек пировал, станет дырой,
Свинцовый прольется дождь над Кап-горой,
И прах величья уйдет, плача по мне.

Вздохну я — и грянет гром, мир облетев;
Над жалкой вселенной мор отверзнет зев;
В сурка превратится барс и в зайца лев;
И стая птичья уйдет, плача по мне.

За что ни возьмусь, мира не обрету.
Богатство принял бы я как нищету.
Под стон мой другу заснуть невмоготу,
И гость — захнычъ я — уйдет, плача по мне.

Любовь покрыла меня жаром углей,
И эти угли судьбой стали моей.
Весной при виде меня нем соловей,
И осень сычъя уйдет, плача по мне.

Тому, кто не пил со мной горькой струи,
Кто ввек не любил, зачем речи мои?
Любовью вышиблен я из колеи,
И смерть — покличъ я — уйдет, плача по мне.

Понявших скорбный язык Махтум-кули —
Попробуй — рассей, потешь, развесели! —
Я брызну трезвой слезой на все хмели,
И смех с обличья уйдет, плача по мне.

ЖИВУТ

Как — взглянемте! — мир наш лежит?
Как в бездне домашней живут? —
Исчез легендарный Джемшит,
Но вот его башни живут.

Долина и горный подъем,
Цветник, орошенный ручьем,
Леса с кровожадным зверем,
Поляны и пашни — живут.

В пространстве, когда-то пустом,
Бог вывел хребет над хребтом.
Там сказы о Ное седом,
О травле вчерашней — живут.

Сменяются травы яйлы,
Но стены, за клочьями мглы,
Ничьей не боятся стрелы
И, смерти бесстрашней, живут.

С живущим обманчива связь,
Пусть хлюпают слякоть и грязь,
Пусть люди, блудя и резвясь,
Неправдой да шашней живут.

Есть грань для пасущих и стад,
Но юные, радуя взгляд,
На землю приходят, как в сад,
И, птиц бесшабашней, живут.

Пусть праха Махтум-кули
Несытые ждут ковыли,
Но звезды, гудя, как шмели,
Державой всегдашней живут!

ПОЯСНЕНИЯ К ПЕРЕВОДАМ

Абдал — дервиш.

Айнальбакский источник — источник молодости.

Арван — (арвана) и нер (инер) — две породы туркменских верблюдов.

Арзкер — местность на Ближнем Востоке.

Арш — высшее место в мусульманском раю; вообще — высокое место, небо.

Ахмет-Ясави — крупный средневековый джатайский поэт.

Бахрейнский — происходящий из Персидского залива.

Бейтулла-Сафамена (арабское — «Божий дом») — находится в Мекке.

Бек — восточный правитель.

Вах (ва) — туркменское восклицание, означающее сожаление, досаду.

Гарун — так сокращенно называет Махтумкули Гарун-аль-Рашида, багдадского халифа.

Геклены — одно из туркменских племен; к племени гекленов принадлежал сам Махтум-кули.

Гульзум — Каспийское море.

Гурии — мифические девы-прислужницы в мусульманском раю.

Гуль-ферхар — герой древнего предания.

Дестерхан — скатерть; в переносном смысле — угощение.

Джагфар — см. «мастер Джагфар».

Джебраил — архангел Гавриил.

Джейгун — Аму-Дарья.

Джемшид — мифический иранский царь.

Джерджис — герой древнего предания.

Джин — в арабской мифологии могущественный дух-оборотень.

Диван — сборник лирических стихотворений.

Дивана — юродивый.

Дурдышахыр — современник Махтум-кули, туркменский поэт.

Дэвы — в восточной мифологии великаны-оборотни.

Езиды — секта противников Али, четвертого арабского халифа.

Зекат — дань в пользу духовенства, взимавшаяся скотом.

Земзем — священный целебный источник в Мекке.

Зуль-факар — меч Магомета, перешедший к зятю последнего, халифу Али.

Зумайл — один из кругов рая.

Ибрагим — библейский праотец Авраам.

Идрис — герой древнего предания.

Израифил — архангел Серафим.

Иса — Иисус Христос.

Искандер — Александр Македонский.

Ишан — духовное звание.

Йомууды — одно из туркменских племен.

Йэ — туркменское восклицание, усиливающее обращение.

Камча — плеть.

Кап — гора в Сирии, вообще образ высокой горы.

Карун — легендарный восточный богач, исключительно жадный и скупой.

Кербел — пустыня в Передней Азии.

Кер-оглы — герой древних тюркских преданий.

Килим — полог у двери, подстилка у очага.

Кыпчак — здесь, возможно, разумеется страна кыпчаков, или «Дешт-и-Кыпчак», то есть половецкая, южно-русская, степь.

Къям-Асам-Эддин — арабское имя, синоним благородства и чистой крови.

Лал (лагл) — рубин.

Лейли — см. «Меджнун».

Лукман (от греческого Лукиан) — легендарный врач, проживший, по мусульманскому вероучению, 4400 лет.

Мастер Джагфар — одно из названий бога.

Меджнун и Лейли — герои древнего восточного сказания о двух безутешных влюбленных.

Менгали — имя возлюбленной Махтум-кули.

Муфтий — мусульманский судья.

Навои — великий узбекский поэт.

Намаз — молитва у мусульман, совершаемая пять раз в день.

Нер — см. «Арван».

Несими — великий поэт XV века, которого феодалы и религиозные фанатики казнили за вольнодумство, содрав с него кожу.

Палуд (палуда) — мучная еда, вроде лапши.

Пери — женщина неземного происхождения, символ женской красоты.

Рамазан — месяц поста у мусульман.

Рейс (раис) — один из высших чиновников.

Рум — западные области Османской империи, а иногда и прилежащие страны.

Рустем — древний восточный герой.

С а ги б — господин, госпожа.

С е дре — древнее название одной из пустынь Азии.

С еи ган (шейх) — герой одного из преданий.

С ен д жаб — местность на Ближнем Востоке.

С лу — героиня романа Шабендэ «Гуль-Бильбиль».

С у л ей ман — библейский царь Соломон.

Т ам бур — персидский ударный инструмент.

Т уман — персидская монета крупного достоинства.

Ф ать ма — дочь Магомета.

Ф ер хад — герой поэмы Навои «Ферхад и Ширин».

Ф ир ман — приказ, повеление властителя.

Х аджи — почетное звание правоверного, совершившего паломничество в Мекку.

Х аз рат-А ли — дословно «великий Али», арабский халиф, зять Магомета.

Х ай рул-Б еш ер — собственное имя, ставшее нарицательным в смысле человека-благодетеля (дословное значение имени).

Х ебеш — Абиссиния.

Х едив — египетский монарх.

Х инд — Индия.

Х орем — древнее название местности в Средней Азии, возможно — Хорезм.

Хыдъгр — герой древнего предания, помощник правоверным в беде.

Хэй — туркменское восклицание, означающее удивление, иногда — понукание.

Чинмачин — Китай.

Чолистан — пустыня.

Шайтан — дьявол.

Шам — название местности в Аравии.

Шамшери — город в северной Аравии.

Шариат — свод мусульманских законов.

Шахыр — поэт.

Шебли — собственное имя безумца-влюбленного, ставшее нарицательным.

Шейх — высшее духовное звание.

Шенджеб — местность на Ближнем Востоке.

Шербет — сладкий напиток.

Эрем — то же, что эдем, райский сад.

Юнус — герой древнего предания.

Юсуп — 1) библейский Иосиф; 2) герой народного предания о романической истории Юсуфа и Зулейки.

ВОЛОГОДСКАЯ

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЙ

Обл. Библиотека

ПРИМЕЧАНИЯ К ОТДЕЛЬНЫМ СТИХОТВОРЕНИЯМ

(названия переводов расположены по алфавиту).

«В руке». — Выражением «мир пятидневен» пользовались на Востоке для определения недолговечности сущего.

«Гость». — См. примечание к переводу «В руке».

«Друзья!» — В предпоследней строфе — намек на то, что в своих письменных посланиях к загробному миру Фатыма сообщает обо всех грехах и подвигах, которыми отмечена жизнь каждого человека.

«Живут». — По преданию, предсмертное стихотворение Махтум-кули.

«Мир влюблен». — Две разноцветных змеи олицетворяют два начала — доброе и злое.

«Не поймет». — При соколиной охоте ловчая птица обычно сидит на правом кулаке у охотника.

«Он». — По преданию, это стихотворение написано Махтум-кули под влиянием смерти сына.

«Прелест твоя». — 5-я с конца строка оригинала толкуется по-разному. В переводе реализовано то из этих толкований, которое связывает слово *Surajī* с туманностью Плеяд.

«Ценней». — В 3-й строфе — намек на то, что священные горы, покрытые цветущей растительностью, охранялись гигантскими змеями или драконами.

СОДЕРЖАНИЕ

Туркменский классик Махтум-ку- ли. Петр Скосырев	3
От переводчика. Марк Тарлов- ский	14

Стихи о сути мира

Мы	31
Чужд.	34
Лишь бы найти	36

Стихи о тщете мира

Ты	38
Мир влюблен	42
Дым	44
Лбы	46
И всё	48
Сплавом быть	50

Враг из врагов	52
Песком	54
Мир, хэй!	56
О мир!	58

Стихи обличительные

Не поймет	60
Что смыслит?	62
Разве поймет?	64
Не ждут	66
Всё ж	68
Мол	70
Муж	72
Малый	74
Томит	77
Вах!	79
Найдем	81
Святые старцы	83
Страшный суд	85

Стихи нравоучительные

Не живи	89
Хотя б	93
Брось	95
Сойдет	96
Одно	98
Если есть	100

Крушит	102
Знай	104
Нужна	106
В руке	108
Имей	110
Зря	112
Найдя	114
Всегда	116
Не спорь	118
Слугой быть	120
Бедняк	122
Ценней	124
Гость	126
Дай ответ — ответ даем	128

Стихи на бытовые темы

Зачем?	131
Нельзя	134
Овладея	136
Молю	138
Зашла бы	140
Ее	142
Придет	144
Сравню	146

Стихи любовные

Друзья!	148
Прелесть твоя	150

Кто ты?	152
Забыл	154
Пришлось	156
Светил	158
Милой	160
Я нашел	163
Где?	165
Смел влюбиться	167
Где б бог поведал	171

Стихи автобиографические

Времена	174
Не знаю	177
Стал	179
Лишен	181
Груз любви	183
Он	185
Я растерял	187
Плача по мне	189
Живут	191

Пояснения к переводам.	193
Примечания к отдельным стихотворениям	199